



παρόλις

Μαί
ΜΑΓΓΟΛΑΡΙΤΑ

Εσόδου
μου μετριά

Мэй Макголдрик
С тобой мои мечты
Серия «Шотландские сны», книга 1

OCR: A_Ch

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137676

С тобой мои мечты: АСТ; Москва; 2006

ISBN 5170357591

Аннотация

Оставшись вдовой, Миллисент Уэнтуорт ищет возможность сохранить свое имение, разоренное мужем. Скрепя сердце она соглашается на фиктивный брак со скандально знаменитым Лайоном Пеннингтоном, графом Эйтоном. Мечты о счастье и любви – не для нее!

Но постепенно Миллисент начинает понимать, что, несмотря на ужасные манеры и дурную репутацию, Лайон – самый заботливый мужчина на свете. Самый нежный и самый страстный...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	51
Глава 5	69
Глава 6	78
Глава 7	90
Глава 8	119
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Мэй Макголдрик

С тобой мои мечты

Глава 1

Лондон, январь 1772 г.

– Мы едем не в том направлении!

Вместо того чтобы повернуть на запад, к старым воротам Темпл-Бар, карета свернула на восток по оживленной Флит-стрит. Возница вовсю нахлестывал лошадей, прокладывая себе путь в гуще экипажей. Поверенный поднял к потолку трость, собираясь постучать кучеру, но Миллисент мягко коснулась его рукава, и трость замерла в воздухе.

– Кучер следует моим указаниям, сэр Оливер. Мне нужно срочно попасть на пристань. Дело не терпит отлагательств.

– На пристань? Но... ведь у вас назначена встреча, миледи, и время уже поджидает.

– Это не займет много времени.

Поверенный откинулся на подушки и облегченно вздохнул.

– Что ж, раз у нас есть свободная минутка, может быть, вы позволите задать вам пару вопросов об этой таинственной встрече, которая нам сегодня предстоит?

– Сэр Оливер, – взмолилась Миллисент. – Разве ваши во-

просы не могут подождать, пока я закончу свои дела на пристани? Боюсь, сейчас я не в состоянии думать ни о чем другом.

Леди Уэнтуорт отвернулась к окну. Ее спутник примолк, хотя вопросы так и вертелись у него на языке. Экипаж уже миновал собор Святого Павла, начиная спускаться к Темзе. В воздухе ощущался тяжелый резкий запах. Когда они пересекли Фиш-стрит с ее обветшалыми сараями и заброшенными пакгаузами, поверенный все-таки не выдержал:

– Может быть, вы хотя бы поведаете мне, что у вас за дело на пристани, миледи?

– Мы едем на торги.

Оливер Берч выглянул в окно и окинул взглядом пеструю толпу рабочих, карманников и шлюх.

– Надеюсь, вы останетесь в карете, миледи, и позволите мне отдать распоряжение одному из грумов, чтобы он приобрел то, что вас интересует?

– Простите, сэръ, но я должна сделать все сама.

Кучер свернул во внутренний двор какого-то полуразрушенного здания на Брукс-Уорф. Экипаж так резко накренился, что поверенный охнул, ухватившись за стенку кареты. За окном была видна внушительная толпа пришедших на аукцион – странная смесь из щегольски одетых джентльменов, оборванных лавочников и моряков. Судя по всему, торги шли полным ходом.

– Тогда хотя бы скажите мне, что вы собираетесь здесь

делать, леди Уэнтуорт. – Берч первым выбрался из кареты. Несмотря на пронизывающий сырой ветер, в переулке стоял ужасающий смрад, к которому примешивался резкий речной запах.

– Об аукционе я узнала сегодня утром в «Газетт». Здесь распродают имущество покойного лекаря по имени Домби. Он вернулся с Ямайки месяц назад совершенным банкротом. – Миллисент натянула на голову капюшон и вышла из кареты, опираясь на руку поверенного. – Этот джентльмен заболел и умер. Его не успели бросить в долговую тюрьму. С тех пор прошло чуть больше недели.

Берчу пришлось прибавить шагу, чтобы не отстать от Миллисент, которая уверенно прокладывала себе дорогу сквозь толпу, стараясь протиснуться в первые ряды.

– И что же из имущества покойного доктора Домби вас так заинтересовало, осмелюсь спросить?

Леди Уэнтуорт ничего не ответила. Поверенный заметил, как серые глаза его клиентки нетерпеливо обшаривают выставленные на продажу личные вещи лекаря, разложенные на кое-как сколоченном помосте.

– Надеюсь, я не опоздала, – пробормотала она.

Берч замолчал, решив отложить расспросы на потом. В этот момент на пороге показался надсмотрщик. Он тащил за собой изможденную старую африканку, завернутую в ветхое одеяло, под которым не было ничего, кроме грязной рубашки. Шея, руки и ноги несчастной были скованы кандалами.

Женщину грубо втокнули в деревянную клетку, висевшую на помосте.

Берч на мгновение зажмурился, преодолевая отвращение, которое вызвало у него это зрелище. Он считал работоторговлю варварским и постыдным промыслом, настоящим бесчестьем нации.

– Гляньте-ка сюда, жентльмены. Вот эта самая рабыня была личной служанкой доктора Домби, – прокричал аукционист. – Ее одну бедный малый прихватил с собой с Ямайки. Конечно, она не больно-то красива – у нее полно морщин, – а по части прожитых лет она может поспорить с самим Мафусаилом. Но, говорят, она самая настоящая африканская королева, жентльмены, истинный крест. И к тому же очень смышленая. Так что хотя она и стоит добрых тридцать фунтов, что скажете, если мы начнем наш торг с одного фунта? – В ответ послышался громкий смех и откровенно издевательские возгласы. – Ладно, жентльмены. А как насчет десяти шиллингов? – Голос аукциониста потонул в реве толпы. – У нее хорошие зубы, ей-богу! – Грубым жестом он заставил женщину открыть рот. На потрескавшихся губах рабыни запеклась кровь. – Десять шиллингов! Кто даст десять шиллингов? Есть такие?

– Да что ты в ней нашел, черт побери? – раздался чей-то крик.

– Пять, жентльмены. Кто готов предложить пять шиллингов?

– Твоя рабыня никуда не годится! Пустой хлам! Да будь мы в Порт-Ройале, ее бы оставили подышать на пристани.

Берч бросил взволнованный взгляд на Миллисент и заметил, как ее лицо исказилось от боли. На ресницах леди Уэнтуорт блестели слезы.

– Здесь неподходящее место для вас, миледи, – прошептал он. – Ни к чему вам видеть все это. То, за чем вы приехали, должно быть, уже ушло с молотка.

– В объявлении говорится, что она была отличной африканской девкой. – Какой-то мужчина средних лет, по виду мелкий служащий или торговец, скорчил насмешливую гримасу и швырнул в рабыню смятой газетой. – Но теперь-то она слишком стара и вряд ли сгодится для...

– Пять фунтов! – выкрикнула Миллисент.

Толпа моментально притихла, и все взгляды устремились на леди Уэнтуорт. Даже аукционист, казалось, на какое-то мгновение лишился дара речи. Морщинистые веки старой негритянки приоткрылись, она неподвижно уставилась на Миллисент.

– Да, ваша светлость. Принято...

– Шесть фунтов. – Неожиданный выкрик из самой гущи толпы вновь заставил аукциониста удивленно замолкнуть. Все как один повернули головы к дальнему концу двора, откуда слышался голос.

– Семь! – крикнула Миллисент.

– Восемь.

Лицо аукциониста расплылось в ухмылке, когда он разглядел в расступившейся толпе опрятно одетого молодого человека со свернутой в трубочку газетой в руках.

– О, я вижу здесь секретаря мистера Хайда. Благодарю вас за предложение, Гарри.

– Десять фунтов! – с горячностью воскликнула Миллисент.

Берч окинул взглядом вереницу экипажей во дворе, пытаясь угадать, в котором из них сидит, раздавая указания, Джаспер Хайд. Этот англичанин, владелец огромных плантаций в Вест-Индии, считался близким другом Уэнтуорта, что не помешало ему после смерти сквайра прибрать к рукам все его владения на Карибских островах в счет погашения долгов покойного. Но и этого ему было мало. Вернувшись в Англию, мистер Хайд стал самым ярым преследователем леди Уэнтуорт, скупая все векселя и закладные, оставленные ее мужем.

– Двадцать!

Толпа заволновалась. Послышались недоверчивые возгласы.

– Тридцать.

Берч повернулся к Миллисент.

– Он играет с вами, миледи, – тихо сказал поверенный. – И с вашей стороны было бы неблагоразумно...

– Пятьдесят фунтов! – бесстрастно выкрикнул секретарь, и его слова вызвали заметное оживление. Со стороны кучки

моряков у края помоста посыпались грубые насмешки.

– Я не могу позволить ему купить ее. Доктор Домби и эта женщина провели вместе немало лет на плантациях Уэнтурта на Ямайке. К ней всегда было особое отношение. – Миллисент кивнула аукционисту. – Шестьдесят фунтов.

Представитель Джаспера Хайда беспокойно поежился и оглянулся на длинный строй экипажей. Потом свернутая в трубочку газета взметнулась вверх.

– Семьдесят.

Толпа глухо зароптала. Слышались недовольные возгласы. По общему мнению, выскочка должен был уступить рабыню даме. Парочка матросов с угрожающим видом двинулась в сторону секретаря, выкрикивая непристойности.

– Для мистера Хайда это просто жестокая игра, сэръ Оливер, – прошептала Миллисент, отворачиваясь от помоста. – О его зверствах на плантациях ходит множество легенд. Еще больше ужасов рассказывают о том, что он начал вытворять, после того как завладел землями и рабами моего мужа. Этот человек ничего не боится, для него не существует законов. Несчастливая рабыня видела, на что он способен. Мистер Хайд будет жестоко обращаться с ней. Возможно, даже убьет. – Руки леди Уэнтурт сжались в кулаки. – Я чувствую вину перед этими людьми за все то, что им пришлось вытерпеть из-за моего мужа. Совесть не позволяет мне повернуться спиной, когда я могу спасти хотя бы одну жизнь, раз уж не смогла помешать Хайду завладеть остальными.

– Что скажете, ваша светлость? – спросил аукционист. – Будете продолжать торг?

– Восемьдесят, – ответила Миллисент. Голос ее невольно дрогнул.

– Вы не можете себе этого позволить, миледи, – тихо, но твердо возразил Берч. – Подумайте о долговых обязательствах вашего мужа, которые держит у себя Хайд. Один раз вам удалось добиться отсрочки, но в следующем месяце она истекает. Вам придется нести личную ответственность за покрытие долгов. В счет пойдет все ваше имущество, включая Мелбери-Холл. Так не стоит подливать масла в огонь.

– Сто фунтов! – Возглас секретаря потонул в грозном реве толпы. Рассерженные матросы сомкнули ряды. Берч заметил, как человек Хайда сделал несколько боязливых шагов в сторону экипажей.

– Накинете еще десятку, миледи? – спросил, ухмыляясь, аукционист.

– Вы не можете спасти всех и каждого, Миллисент, – горячо зашептал Берч.

Когда год назад граф Станмор с супругой попросили его представлять интересы леди Уэнтуорт, они упоминали, что она испытывает искреннее сострадание к африканским рабам, принадлежавшим ее покойному мужу. Но тогда сэр Оливер не представлял себе, с какой страстью способна отстаивать справедливость эта женщина.

– Я знаю это, сэр Оливер.

– Вполне возможно, что рабыня на самом деле принадлежит Хайду. Это в его духе. Он сумел заполучить все векселя покойного сквайра, с тем же успехом мог прибрать к рукам и имущество Домби, а теперь этот негодяй ведет свою игру, чтобы выжать из вас последние деньги.

От этих слов плечи Миллисент безвольно поникли. Вытерев слезы, она опустила голову и начала пробираться к карете сквозь толпу. И все же на полпути леди Уэнтуорт не выдержала, резко обернулась и подняла руку:

– Сто десять.

Восклицание было встречено одобрительными криками матросов. Толпа расступилась. В этот момент леди Уэнтуорт разглядела бледное лицо секретаря на другом конце грязного замусоренного двора. Попятившись от наступающей толпы, человек Хайда поглядел на аукциониста, затряс головой и перевел взгляд на Миллисент.

– Леди Уэнтуорт может забрать свою негритянку за цену в сто десять фунтов.

Издавательские нотки в его голосе и откровенно презрительная ухмылка привели матросов в ярость. Двое крепких парней двинулись в его сторону, но секретарь быстро повернулся и пустился наутек. Наблюдая за его бегством, Берч подавил в себе желание догнать мошенника самому. У поверенного не было сомнений, что вся сцена торгов была спланирована заранее. Вскоре матросы вернулись с пустыми руками.

Миллисент мягко погладила Берча по руке.

– Что бы ни делал мистер Хайд, я должна была спасти жизнь этой женщине, сэр Оливер.

Миллисент Грегори Уэнтуорт нельзя было назвать ослепительной красавицей. Многим представителям лондонского света ее взгляды и манеры казались странными. Но эти недостатки с лихвой восполнялись природным достоинством, благородством и добротой. Горе и унижения не ожесточили ее.

Берч почтительно кивнул своей клиентке.

– Почему бы вам не подождать в карете, миледи? Я с удовольствием договорюсь обо всем сам.

Аукционист поднял вверх маленькое изящное бюро и поставил его туда, где раньше помещалась клетка с рабыней. Толпа оживилась. Несколько человек подались вперед, чтобы лучше рассмотреть новый лот. Предмет мебели интересовал их куда больше, чем живое человеческое существо, выставленное на продажу. Если бы не ожесточенный торг вокруг чернокожей рабыни, никто бы и вовсе не обратил на нее внимания. Миллисент проводила глазами африканку, которую вели через двор. Сэр Оливер следовал за ней.

Чувствуя себя полностью опустошенной, Миллисент двинулась через толпу к карете.

– Женщину привезут ко мне в контору сегодня днем, – сообщил Берч, догнав леди Уэнтуорт. – Поскольку вы не хотите, чтобы ее привезли в дом вашей сестры, я договорюсь с

помещением, где она сможет остаться, пока вы не отправитесь в Мелбери-Холл.

– Спасибо. Мы уедем туда завтра утром.

– Заверяю вас, миледи, все будет в полном порядке.

– Я в этом и не сомневалась, – тихо сказала Миллисент, глядя сквозь окно экипажа на покосившийся сарай, куда отвели старую африканку. Эти ужасные люди были способны причинить немало мучений несчастной женщине, прежде чем она окажется в конторе поверенного. Леди Уэнтуорт никак не могла избавиться от тревожных мыслей.

Сидя в карете, Миллисент задумалась о потраченных деньгах. На сто десять фунтов можно было в течение семи месяцев выплачивать жалованье всем двадцати слугам в Мелбери-Холле. Сэр Оливер сказал правду. Покупка чернокожей женщины нанесла значительный урон быстро тающим средствам леди Уэнтуорт. А ведь в следующем месяце придется выплатить деньги Джасперу Хайду. Миллисент прижала пальцы к ноющему виску и попыталась отогнать от себя мрачные мысли. Как замечательно будет привезти несчастную рабыню в Хартфордшир!

– Леди Уэнтуорт, – решил нарушить тишину Берч, когда они уже почти приехали. – Мы не можем больше откладывать разговор о вашей встрече с вдовствующей графиней Эйтон. Я все еще не имею ни малейшего представления, зачем мы туда направляемся.

– Я и сама не знаю, сэр Оливер, – устало произнесла

Миллисент. – Три дня назад леди Эйтон прислала записку с приглашением, или, скорее, с требованием, встретиться. Посыльный ее светлости даже не уехал, пока не дождался ответа. Меня просили приехать в городской дом графа Эйтона на Хановер-сквер сегодня в одиннадцать вместе с моим поверенным. В записке больше ничего не было сказано.

– Все это звучит несколько странно. Вы знакомы с графиней?

Миллисент покачала головой.

– Нет. Но с другой стороны, год назад я не была знакома и с мистером Джаспером Хайдом, и с десятком других кредиторов, которые набросились на меня после смерти Уэнтуорта. – Она плотнее запахнула накидку. – За последние полтора года я хорошо поняла, что не спрячусь от тех, кому мой муж остался должен. Лучше уж встретиться с ними по очереди лицом к лицу и попытаться договориться об отсрочке.

– Я бесконечно восхищаюсь вашим мужеством, миледи. Однако мы оба знаем, что сумма долгов вашего мужа слишком велика. Вам уже сейчас почти нечем ее покрыть. – Поверенный нерешительно замолчал. – Ведь у вас есть несколько весьма влиятельных друзей, леди Уэнтуорт. Если бы вы позволили мне рассказать им хотя бы о малой доле тех трудностей, с которыми...

– Нет, сэр, – твердо возразила Миллисент. – Я не стыжусь бедности, но никогда не опустилась бы до попрошайничества. Давайте навсегда оставим этот разговор, пожалуйста.

– Как вам будет угодно, миледи. – Миллисент с благодарностью кивнула своему спутнику. Сэр Оливер показал себя безупречно честным человеком, она могла полностью положиться на его слово. – Я хотел бы немного успокоить вас насчет вдовствующей графини Эйтон, – добавил Берч. – У нее мало общего с мистером Хайдом или вашим покойным супругом. Это весьма состоятельная женщина, но, как говорят, она привыкла крайне аккуратно обращаться с деньгами. По слухам, она настолько скупа, что слугам приходится сражаться с ней за свое жалованье. Короче, я не могу себе представить, что эта особа могла бы одолжить денег покойному сквайру Уэнтуорту.

– Рада слышать это. Мне следовало бы догадаться, что с вашим вниманием к деталям мы приедем на встречу во всеоружии. Что еще вам удалось узнать об этой женщине, сэр Оливер?

– Леди Арчибалд Пеннингтон, графиня Эйтон. Зовут ее Беатрис. Овдовела более пяти лет назад. По происхождению шотландка, но в ее жилах течет кровь горцев. Представительница старинного рода, она весьма удачно вышла замуж.

– У нее есть дети?

– Трое сыновей, все взрослые. Старший – Лайон Пеннингтон, четвертый граф Эйтон. Второй сын, Пирс Пеннингтон, говорят, сделал себе состояние в североамериканских колониях, несмотря на эмбарго. И, наконец, Дейвид Пеннингтон, младший отпрыск, офицер армии его величества. Сама гра-

финя вела чрезвычайно тихую жизнь, пока этим летом не разразился громкий скандал, расколовший ее семью.

– Скандал?

Сэр Оливер кивнул.

– Да, миледи. В нем была замешана молодая женщина, Эмма Даглас. Насколько я понимаю, все три брата были от нее без ума. В конце концов она выбрала старшего из них и стала графиней Эйтон. Это случилось два года назад.

В том, что услышала сейчас Миллисент, не было ничего скандального, но задавать вопросы было уже некогда. Карета сделала круг и остановилась напротив роскошного особняка, обращенного к Хановер-сквер. Лакей в расшитой золотом ливрее почтительно поклонился, прежде чем открыть дверцу экипажа.

В холле особняка гостей приветствовал еще один слуга. Сбросив накидку, Миллисент окинула взглядом холл, высокий лепной потолок, богато украшенный золочеными завитками и розетками. Пройдя в зал, она увидела красивую мебель из темного ореха. В убранстве комнаты чувствовался хороший вкус.

Пожилой дворецкий почтительно сообщил, что вдовствующая графиня ждет их.

– Что послужило причиной скандала? – шепнула Берчу Миллисент, когда они поднимались по широкой винтовой лестнице.

– Это всего лишь слухи, миледи, – так же тихо ответил

Берч. – Говорят, граф убил свою жену.

– Как это...

Миллисент умолкла, стараясь справиться с потрясением и не выказывать любопытства. Дворецкий доложил об их прибытии, и они вошли.

Их встречали вдовствующая графиня, бледнолицый джентльмен и две горничные ее светлости.

Леди Эйтон, пожилая болезненная женщина, сидела на диване, откинувшись на подушки и закутавшись пледом. Сквозь стекла очков графиня пыталась рассмотреть посетителей.

Миллисент сделала вежливый реверанс.

– Простите нас за опоздание, миледи.

– Так вам удалось победить на аукционе? – Резкий вопрос графини заставил Миллисент бросить недоуменный взгляд на сэра Оливера, но поверенный был так же изумлен, как и она сама. – Я имею в виду африканку. Вы одержали верх на торгах?

– Я... да, – пробормотала леди Уэнтуорт. – Но как вы об этом узнали?

– Сколько?

Этот бесцеремонный допрос рассердил Миллисент. У нее не было причин стыдиться своего поступка.

– Сто десять фунтов, хотя я решительно не понимаю, какое отношение...

– Внесите сумму в счет, сэр Ричард. – Графиня махнула

рукой джентльмену, стоящему за конторкой. – Это стоящее дело.

Сэр Оливер шагнул вперед.

– Могу я поинтересоваться, миледи...

– Умоляю, оставьте эту пустую болтовню, молодой человек. Входите и садитесь.

Сэр Оливер застыл с открытым ртом. Вот уже несколько десятков лет к нему никто не обращался как к молодому человеку. От такого приема леди Уэнтурт и ее поверенный растерялись. Леди Эйтон взмахом руки отослала слуг, предложила им сесть и заговорила:

– Что ж, хорошо. Теперь я знаю вас обоих, а вы знаете меня. Этот бледный мешок с костями – мой поверенный, сэр Ричард Мейтленд. – Пожилая леди сурово нахмурила брови, глядя на стряпчего. Тот чопорно поклонился и сел. – А теперь перейдем к делу.

Миллисент не решилась даже предположить, что могло быть на уме у графини.

– Мои люди наблюдали за вами какое-то время, леди Уэнтурт, подробно докладывали мне о каждом вашем шаге.

Вы даже превзошли мои ожидания. – Леди Эйтон поправила очки на переносице. – Не будем ходить вокруг да около. У меня для вас есть деловое предложение.

– Деловое предложение? – пролепетала Миллисент.

– Совершенно верно. Я хочу, чтобы вы вышли замуж за моего сына, графа Эйтона. По специальному разрешению.

Сегодня.

Глава 2

Миллисент испуганно вскочила на ноги, будто перед ней разверзлась адова бездна, угрожая ее поглотить. Вежливость и хорошие манеры забыты были в ту же секунду.

– Вы, вероятно, ошиблись, леди Эйтон.

– Я так не думаю.

– Должно быть, ваш слуга доставил записку не по тому адресу.

– Сядьте, леди Уэнтуорт.

– Боюсь, я не смогу. Миллисент посмотрела на своего поверенного, тот тоже поднялся и ждал ее указаний.

– Послушайте, леди Уэнтуорт, у вас нет никаких причин для беспокойства. – Тон графини смягчился. – Я прекрасно понимаю ваши опасения, знаю все о тех страданиях, которые вам пришлось вынести за время замужества, но мое предложение не имеет ничего общего с выпавшими на вашу долю унижениями из-за жестокой тирании первого супруга.

Миллисент потрясенно уставилась на старуху, пытаясь понять, как ей удалось так много узнать о ней. Вдовствующая графиня говорила о ее жизни, будто перечисляла общеизвестные факты. Леди Уэнтуорт почувствовала легкую тошноту, желудок свело судорогой. Ей очень хотелось убежать из этого дома и вернуться в Мелбери-Холл.

Быть замужем – это быть бессловесной собственностью

мужчины. Так думала Миллисент. Пять бесконечных лет ей пришлось влечь за собой цепи этого «райского блаженства». Замужнюю женщину некому даже защитить. Поэтому брак для Миллисент – источник моральных и физических мучений, каторга, а супружеская клятва – проклятие, придуманное мужчиной, чтобы подчинить себе женщину. После смерти Уэнтуорта Миллисент поклялась, что никогда не позволит вновь обречь себя на эту жизнь, полную горечи и страданий. Молодая женщина сделала шаг к двери.

– Позвольте мне по крайней мере объяснить причины, заставившие меня пригласить вас. – Графиня нетерпеливо взмахнула рукой. – Понимаю, я действовала слишком поспешно. Будьте любезны, позвольте мне рассказать о неприятностях, которые постигли мою семью. Тогда вам будет легче понять, в чем состоит суть моего предложения.

– Любые объяснения, касающиеся ваших семейных неурядиц, излишни, миледи. Если вы имеете представление о моей жизни, вам должно быть известно мое отвращение к браку. Сама мысль о замужестве невыносима для меня, леди Эйтон. Ни при каких обстоятельствах я не...

– Мой сын – калека, леди Уэнтуорт, – перебила ее вдовствующая графиня. – Прошлым летом с ним произошел несчастный случай. С тех пор его ноги полностью неподвижны, а одна рука утратила чувствительность. Он погружен в глубокую меланхолию. Ничто не может вывести его из этого состояния. Я восхищаюсь преданностью и стойкостью лич-

ного камердинера моего сына и нескольких слуг, ухаживающих за ним. Без их помощи я бы не знала, что и делать. Я не устаю благодарить Бога за то, что он послал мне их. В самом деле, не будь этих людей, мне пришлось бы поместить сына в больницу для умалишенных. Это окончательно убило бы меня.

Неподдельное горе в голосе старой женщины тронуло Миллисент.

– Я искренне сочувствую вам, миледи, но не понимаю, что я могла бы для вас сделать.

Графиня рассеянным жестом поправила плед у себя на коленях. Руки ее дрожали.

– Несмотря на всю мою браваду, леди Уэнтуорт, я очень больна. Скажу прямо, я умираю. И мои доктора, черт бы их побрал, с каким-то дьявольским удовольствием каждый день напоминают, что следующего рассвета я могу и не увидеть.

– О Господи, миледи, я...

– Не поймите меня превратно. Мне совершенно наплевать на себя. Моя жизнь была долгой и насыщенной событиями.

Сейчас меня волнует только одно – что случится с Лайоном, когда меня не станет. Поэтому я и пригласила вас.

– Но... конечно же, все не так безнадежно. У вас есть семья, к тому же существуют друзья, знакомые, которые будут рады вам помочь. Лорд Эйтон – пэр Англии. Вы достаточно состоятельны, у вас масса возможностей обеспечить необходимый уход за вашим сыном.

– Пожалуйста, леди Уэнтуорт, сядьте. Я все объясню.

Миллисент бросила взгляд на Берча. Поверенный стоял и терпеливо ждал, какое решение примет его клиентка. Леди Уэнтуорт обернулась к старой графине. Той властной аристократки, которая поразила ее своей силой и решительностью, больше не было. Теперь это была совершенно другая женщина: умирающая, сломленная горем мать, из последних сил пытающаяся защитить своего сына.

Миллисент нерешительно села. Лицо графини просветлело от радости.

– Благодарю вас. Вы упомянули мою семью. Что ж, остальные мои дети считают, что, если со мной что-нибудь случится, Лайона следует поместить в дом для умалишенных. – Голубые глаза старой леди вспыхнули от гнева. – Лорд Эйтон не сумасшедший. Ему не место в Бедламе. Я не хочу, чтобы его связали и мучили, пускали ему кровь, промывали кишечник, накачивали опиумом и выставляли напоказ на потребу лондонской знати.

– Но ведь существуют и другие способы лечения. Каждый день появляются какие-то новые лекарства от самых различных болезней. Не может быть, чтобы лорду Эйтону нельзя было помочь!

Я испробовала все средства, потратила огромные деньги, но улучшение так и не наступило. Вот, к примеру, на прошлой неделе в «Газетт» было объявление мистера Пейна из «Ангела и короны», это во дворе собора Святого Павла. Там

говорилось, что страдающие потерей памяти или забывчивостью за два шиллинга шесть пенсов могут приобрести чудодейственное снадобье, которое удивительным образом заставит их вспомнить всю свою жизнь до мельчайших подробностей. Я заставила Лайона принять это лекарство, пытаюсь вызвать хоть какой-то отклик в его душе, но все тщетно. – Леди Эйтон безнадежно махнула рукой. – Я устала от шарлатанов, мошенников и шутов, которые с жаром расхваливают свои никчемные капли и порошки. Лайон не может ходить. Он даже не способен поднять правую руку. Так называемые доктора твердят, что у него какая-то необъяснимая болезнь. А у их собратьев из университета на все один ответ: отворить ему кровь да отворить ему кровь. Но это нисколько не помогает.

– Мне так жаль, миледи...

– Мне тоже. – Графиня испытующе взглянула на леди Уэнтуорт. – Но я не допущу, чтобы моего сына упрятали в сумасшедший дом. Хватит с меня этих клоунов с их навозным чаем, тушеными совами и толчеными червями! Сыта ими по горло.

– Да, вокруг так много шарлатанов, это правда. Но существуют ведь и почтенные, уважаемые доктора с хорошей репутацией.

– Да, это так. Но и уважаемые доктора, как вы их называли, только ломают голову и беспомощно разводят руками. Единственное, что они советуют, так это давать моему сыну

успокоительные.

– Зачем? Разве он ведет себя буйно?

– Конечно же, нет, – завершила Миллисент графиня. – Просто он страшно несчастен в Баронсфорде. Это фамильное имение Эйтонов, расположенное к юго-востоку от Эдинбурга. Там и произошел несчастный случай. Сказать по правде, он был настолько подавлен, что распорядился, чтобы вся унаследованная им собственность перешла в руки его брата Пирса, моего среднего сына. Это поспешное решение не принесло ничего хорошего. Пирс сейчас в отъезде, его нет в стране. В любом случае его совершенно не интересует фамильное состояние. Кроме того, Лайон – наследник титула, а это предполагает огромную ответственность. Множество людей смотрят на него как на образец и... – Графиня осеклась и нетерпеливо махнула рукой. – Баронсфорд не особенно меня сейчас волнует. Я упомянула о нем единственно для того, чтобы вы поняли, почему я хочу забрать Лайона отсюда. Мне нужно найти такое место для моего сына, где ничто не напоминало бы ему о прошлом, о том, чего он лишился.

Миллисент понемногу успокоилась. Рассудительность вернулась к ней. Теперь она понимала, что никто не может вынудить ее силой принять решение. Выбор остается за ней, но и последствия этого выбора могут обернуться против нее.

– Я все еще не понимаю, каким образом ваше предложение может помочь графу. Яне лекарь и вряд ли способна...

– Лайону необходимо уехать из Шотландии. Ему нужен

дом и люди, которые смогли бы позаботиться о нем. Ни для кого не секрет, что после смерти вашего мужа вы сделали все, чтобы обеспечить тихую и спокойную жизнь тем, кого сквайр Уэнтуорт превратил в рабов. – Графиня немного помолчала и добавила: – Вы должны знать, что наше соглашение будет выгодным для вас не меньше, чем для моего сына.

Не дожидаясь ответа молодой женщины, леди Эйтон сделала знак своему поверенному. Тот передал Миллисент большой лист, напоминающий бухгалтерскую опись, которую обычно ведут банковские служащие.

– Дорогая, это опись всех неоплаченных счетов и долговых обязательств, которые оставил вам сквайр Уэнтуорт. Нам пришлось немало потрудиться, чтобы собрать их все воедино. Возможно, кое-что мы все-таки упустили. На досуге ваш поверенный сможет внимательно ознакомиться с этим документом и при необходимости дополнить его. Как вы уже знаете, некоторые люди получают настоящее наслаждение, поведав миру о долгах своих ближних.

Миллисент взяла в руки документ и взглянула на цифры. Суммы долгов были огромны. Леди Уэнтуорт попыталась не показать, что ее душит отчаяние. В конце концов, она знала, что тонет, так какая теперь разница, насколько глубок омут. Миллисент передала бумагу сэру Оливеру.

– В чём именно заключается ваше предложение, леди Эйтон? – спросила она безжизненным голосом.

– Ваш брак будет простой формальностью. Речь идет о

четком и простом деловом соглашении. Если условия вас устроят, то граф Эйтон переедет к вам в Мелбери-Холл. С ним вместе отправится его личный камердинер и еще несколько слуг. У нас теперь новый доктор. Он мог бы специально приезжать из Лондона и регулярно осматривать Лайона. Все, что требуется от вас, – это позаботиться о комнатах для них. В свою очередь, мой поверенный, мистер Мейтленд, полностью оплатит все ваши долги, как перечисленные в этом документе, так и те, о которых нам пока неизвестно. Вдобавок вам будет ежемесячно выплачиваться довольно щедрая сумма, достаточная, чтобы достойно содержать Мелбери-Холл. Тогда вы сможете и дальше заниматься благотворительностью.

От слов графини у Миллисент закружилась голова. Молодая женщина провела немало бессонных ночей, переживая из-за своих трат, раздумывая, как свести концы с концами. Последние полгода выдались особенно тяжелыми. Леди Эйтон предлагала возможность разом избавиться от тесных оков, в которые Миллисент попала из-за долгов мужа. Но не слишком ли дорогую цену придется ей заплатить? Мысль о новом замужестве казалась ей чудовищной.

– Как быть с нашей договоренностью, миледи, если граф Эйтон оправится от болезни?

– Боюсь, на это нет никакой надежды. Ни один доктор из тех, кто осматривал его в последнее время, не верит... – Графиня замолчала, пытаясь справиться с дрожью в голосе. –

Никто из них не верит в возможность исцеления.

– И все же такое может случиться.

– Завидую вашему оптимизму.

– Я прошу специально оговорить в нашем соглашении, что в случае выздоровления граф не станет препятствовать разводу.

Графиня взглянула на своего поверенного. Сэр Ричард коротко кивнул, поднимаясь со стула.

– Учитывая характер вашего супружества и нынешнее состояние здоровья графа, легко можно будет получить развод или признать брак недействительным.

Миллисент поняла, что зашла слишком далеко. Она уже взвешивала все «за» и «против», но преимущества этого предложения все-таки перевешивали недостатки.

– Что-нибудь еще? Может быть, вас что-то беспокоит? Есть невыясненные вопросы?

Вопрос графини заставил Миллисент настороженно прищуриться.

– Да, миледи. Почему именно я? Ведь вы меня совсем не знаете. Почему же вы выбрали меня?

– Мы остановили свой выбор на вас не случайно. Я изложила поверенному все свои требования и поставила перед ним нелегкую задачу. Мой стряпчий провел весьма серьезное исследование. Должна сказать, что ваша история, незапятнанная репутация и доброе имя в сочетании со сведениями о бедственном финансовом положении, которые сумел

собрать сэр Ричард, склонили чашу весов в вашу пользу. Вы – наилучшая кандидатура. – Графиня одобрительно кивнула. – Надеюсь, вы не обиделись, что моим людям пришлось покопаться в вашем прошлом и сунуть нос в ваши нынешние дела. Они хорошо сделали свою работу. Теперь я почти все про вас знаю, леди Уэнтуорт.

Миллисент недоуменно подняла брови. Она всегда вела очень замкнутую жизнь. Ей казалось невероятным, что кому-то удалось так много о ней выяснить.

– Мне странно это слышать, миледи. Не могли бы вы назвать какой-нибудь факт из моей жизни, о котором узнали из уст ваших людей?

– Что ж, если вам так хочется. Вас зовут Миллисент Грегори Уэнтуорт, вам двадцать девять лет. Овдовели полтора года назад. Брак с Уэнтуортом был устроен вашей семьей.

– Подобные сведения легко собрать. Они не говорят ничего о характере человека.

– Это верно. Я подумала об этом, встретившись с вами сегодня. Если не считать редких и коротких визитов, как, например, во время нынешней поездки в Лондон, вы почти не встречаетесь со своими родственниками. О, я нисколько вас не осуждаю. Вашу семью составляют две старшие сестры и дядя, которому вы не доверяете с тех пор, как он выдал вас замуж за сквайра Уэнтуорта, даже не потрудившись навести справки о характере этого человека. – Старая графиня тщательно разгладила складки пледа у себя на коленях. – Чле-

ны вашей семьи почти не поддерживают отношений друг с другом. За пять лет супружества вы ни разу не поделились с родными, не пожаловались на жестокое обращение мужа, которое вам приходилось терпеть. У вас очень мало близких друзей. Гордость не позволяет вам обращаться за помощью, даже когда вы находитесь в отчаянном положении. Что еще? Ах да, вы дали свободу своим рабам...

– Рабам моего покойного мужа.

– Ну конечно. Вы изо всех сил пытались исправить причиненное им зло, поэтому и оказались на грани банкротства. Вас разрывают на части кредиторы. – Леди Эйтон взглядела в лицо молодой женщины. – Что касается самых обыденных вещей, вас вполне устраивает скромная, непритязательная внешность, ведь вы определенно не интересуетесь модой. Как ни странно, вы никогда не были любительницей светских развлечений, а овдовев, нашли убежище в своем загородном имении, Мелбери-Холле, в Хартфордшире.

– Оставаясь вдали от Лондона, я ничего не потеряла, миледи.

– Совершенно верно. И я нахожу ваш образ мыслей чрезвычайно удобным для себя. Вы не станете скучать по балам, званым вечерам и другим лондонским соблазнам, не будете осыпать упреками своего мужа за то, что он не сопровождает вас в Лондон, Бат или еще какое-нибудь модное местечко, по которому сходит с ума вся наша знать. К тому же вы привлекательная женщина, наделенная редким даром сострада-

ния. Вы почувствовали, наконец, вкус к независимости. Но чтобы ее получить, не лучше ли воспользоваться защитой, которую даст вам имя нового мужа? Благодаря этому браку вы заставите всех волков трусливо поджать хвосты.

Миллисент терзали противоречивые чувства. Она действительно нуждалась в мужском покровительстве, чтобы устроить свои дела. Она уже столкнулась с тем, как, оказывается, трудно, почти невозможно, найти хорошего управляющего, чтобы следить за Мелбери-Холлом. Даже для того, чтобы принять участие в торгах, не вызвав публичного скандала, нужен мужчина-сопровождающий. Как же иначе? Ведь в глазах общественного мнения мужчины намного умнее женщин.

Леди Уэнтуорт попыталась привести в порядок свои мысли. Невольно на память пришла история ее лучшей подруги Ребекки, которая десять лет прожила в Филадельфии. Этой молодой женщине пришлось представиться вымышленным именем и придумать себе несуществующего мужа, мистера Форда, чтобы спокойно устроиться в городе вместе с ребенком.

– Так что вы думаете о моем предложении, леди Уэнтуорт?

Миллисент призвала на помощь все свое мужество и смело спросила:

– Но к чему такая спешка? Почему так важно, чтобы брак был заключен именно сегодня?

– Вы же обычно не покидаете Мелбери-Холл больше чем на день, ну на два. Полагаю, вы собираетесь вернуться туда завтра утром.

– Да.

– Если к этому добавить мрачные прогнозы моих докторов насчет восходов и закатов, которые мне, возможно, не суждено больше увидеть, получается, что я не могу себе позволить искушать судьбу и ждать. Слишком уж многое поставлено на карту.

– А что думает его светлость о ваших грандиозных планах?

Леди Эйтон глубоко вздохнула и опустила голову.

– Я не была уверена, что смогу убедить вас, но сыну я объяснила, что вы, возможно, согласитесь на мое предложение из финансовых соображений, но никак не из жалости. Услышав это, он уступил. Лайон не выносит жалости. Можно лишить его всего, но только не гордости.

Лайон Пеннингтон, четвертый граф Эйтон, сидел в кресле перед окном в полной неподвижности. Темная борода пэра Англии была давно не стрижена, а мрачное худое лицо напряжено. Его взгляд был устремлен сквозь стекло куда-то вдаль, но отнюдь не на унылые окрестности Хановер-сквер.

Двое слуг его светлости для церемонии венчания приготовили парчовый камзол, шелковый жилет, черный шейный платок, бриджи, чулки и туфли с серебряными пряжками.

Закончив все необходимые приготовления, люди графа не осмеливались даже приблизиться к господину, а нервно переглядывались, стоя в дверях.

– Она здесь, – шепнула молодая женщина. Зайдя в комнату, служанка поставила на стол чайный поднос перед графом и, сделав почтительный реверанс, попятилась к дверям.

– Госпожа графиня думает, – прошептала девушка слугам, – что миледи захочется познакомиться с его светлостью перед церемонией.

В дверях появилась новая служанка, держа перед собой блюдо с печеньем. Следом за ней в комнату вошел Гиббз, камердинер графа.

– Чего вы ждете? – раздраженно зарычал он на лакеев. – Его светлость следует немедленно одеть.

Заметив, что Гиббз не в духе, слуги тут же бросились выполнять его распоряжение. Высокий и широкоплечий камердинер напоминал могучие дубы в лесах Баронсфорда. Оба лакея уже успели испытать на собственной шкуре, что значит вызвать его неудовольствие, но, с другой стороны, слуги все еще опасались подступить к графу. Малый по имени Джон осторожно шепнул Гиббзу:

– Ихняя светлость не слишком-то расположены одеваться сегодня.

При этих словах обе горничные мгновенно ретировались.

– Чистая правда, мистер Гиббз, – тихо поддакнул другой слуга. – Ей-богу, так и есть, сэр. Лорд Эйтон едва не убил нас

обоих, а мы ведь просто хотели его одеть. Уж так бушевал, так бушевал. Успокоился, только когда мы дали ему настойку, которую оставил новый доктор.

– Его светлость уже принимал ее сегодня! – взорвался Гиббз, понизив голос до яростного шепота. – Черт возьми, это средство нельзя давать всякий раз, как вам взбредет в ваши тупые головы!

– Да, сэр. Но, видно, он выпил слишком мало.

– Если бы у меня было побольше времени, я бы свернул шею вам обоим и дал бы такого пинка, что... – Гиббз сделал заметное усилие, чтобы взять себя в руки. – Но сейчас мне некогда. Считайте, что ваши проклятые задницы спасены. Все уже в сборе, а лорд Эйтон еще даже не одет.

– Он всего пару минут как утих.

Бросив на лакеев хмурый взгляд, Гиббз жестом приказал им следовать за собой и двинулся к креслу графа.

– Милорд.

Лайон не отрывал взгляда от окна. Он пребывал в полудреме, хотя и не спал. Гиббз закрыл ставни и встал напротив графа.

– Мы должны подготовить вас к встрече, – милорд.

Лорд Эйтон поднял мертвенно-бледное лицо и посмотрел на Гиббза.

– Леди Уэнтуорт и ее поверенный прибыли, сэр, – тихо сказал камердинер, убирая плед с неподвижных ног своего господина. – Епископ дожидается в библиотеке уже час. Вас

ждут, милорд.

Один из слуг боязливо потянулся к пуговицам на халате лорда Эйтона, но, поймав сердитый взгляд графа, быстро отдернул руку и отступил на шаг.

– Положите меня в постель, – раздраженно прорычал Лайон, всем своим видом выражая презрение.

– Не могу, милорд. Ее светлость настаивает, чтобы мы одели вас.

Не думая об искалеченных ногах, которые долгие месяцы отказывались ему служить, граф Эйтон оттолкнулся от кресла здоровой рукой и тяжело рухнул на пол. Встревоженные слуги даже не успели подхватить его.

– Проклятие!..

– Ох ты, он упал прямехонько на правую руку!

– Помогите мне освободить руку его светлости! – Гиббз мгновенно опустился на колени перед графом.

– Доктор говорил, что если ихняя светлость еще раз сломают эту руку, придется ее отрезать. Я сам слышал.

Гиббз бросил на Джона убийственный взгляд и осторожно перевернул графа. Лайон Пеннингтон был таким же крупным мужчиной, как и его камердинер. Длительная неподвижность лишила графа былой мощи, но чтобы его поднять, по-прежнему требовалось несколько человек.

– Милорд, позвольте напомнить вам, – сказал Гиббз, с опаской сгибая и разгибая правую руку Лайона, – ваша светлость обещали графине, что не станете препятствовать ее

планам. Слава Богу, хоть кость цела.

– Положите меня обратно в постель, – гневно потребовал граф. Его губы побелели от ярости. Сжав в кулак здоровую руку, он с силой ударил по полу. – Немедленно!

– У вашей матушки сегодня ночью снова был приступ, милорд. Нам пришлось послать за доктором. – Гиббз нагнулся и склонился над графом. Камердинер отлично знал, какой подход требуется к господину, когда тот в гневе. Голубые глаза Лайона метали молнии и, казалось, были готовы просверлить дыры в голове Гиббза. Но верный слуга невозможно продолжал: – Единственное, что заставило графиню встать с постели, несмотря на серьезное недомогание, так это ваше обещание исполнить ее желание. Если она узнает, что вы решили взять назад свое слово, это может оказаться последней каплей. Пожалуйста, милорд, ее светлости пришлось вынести так много волнений и хлопот, чтобы устроить для вас сегодняшнюю встречу. Мне думается, вы могли бы подарить графине хоть немного покоя, учитывая, что ей, возможно, осталось недолго жить на этом свете.

Гиббз так и не понял, подействовало ли на графа успокоительное средство, которое дали ему лакеи, или же лорд Эйтон просто пришел к выводу, что у него нет выбора. Как бы то ни было, Лайон Пеннингтон вдруг неожиданно прекратил сопротивление и позволил своим слугам усадить его обратно в кресло.

– А как насчет этой женщины, Гиббз? – пробормотал

граф. – Думаешь, у моей новой невесты когда-нибудь будет хоть немного покоя?

Глава 3

Джаспер Хайд достал из жилетного кармана часы и откинул крышку. Было уже почти три пополудни, но ни проклятый секретарь, ни его стряпчий Платт так и не появились. Клуб «Уайте», как всегда, был полон. Хайд окинул присутствующих взглядом: некоторые лица показались ему знакомыми. Кто-то приходил сюда играть, а кто-то просто выпить и поглазеть на играющих. Здесь проматывались целые состояния. Это зрелище поистине завораживало. Столы для игры в карты и кости почти никогда не пустовали, но Хайд знал, что вскоре толпа начнет понемногу редеть. Многие покинут клуб ради обеда, званого вечера или иного соблазна, на которые так щедр вечерний Лондон.

Хайд уставился на стаканчик с костями в руках графа Уинчелси. Сам он уже проиграл больше, чем ему хотелось бы, но остался в клубе, желая быть поближе к представителям лондонской знати. Ради этого стоило потратиться.

– Все ставки сделаны, джентльмены, – сказал крупье скучным голосом.

За его спиной у огромного камина двое музыкантов играли на арфе и английском рожке, а управляющий распекал нерадивого слугу за нерасторопность: слишком долго тот доставлял бутылку вина джентльменам, играющим в кости за дальним столом. Лорд Уинчелси еще разок встряхнул ста-

канчик на счастье и бросил кости на стол.

– Семь. – Джентльмены сгрудились вокруг стола. Послышались разочарованные возгласы проигравших и восторженные крики победителей. Хайд заметил, как самодовольно ухмыльнулся Уинчелси, когда ему снова передали кости.

– Вот это я, называется, повеселился, – обратился Уинчелси к графу Карлайлу. Тот в ответ лишь презрительно фыркнул, а Уинчелси подмигнул Джасперу Хайду. – Так вы по-прежнему ставите на моего старого друга, Хайд?

Плантатор взглянул на быстро таявшую кучку денег, лежащую перед ним на столе. Хайду было известно, что на этой неделе молодой граф легко расстался с тремя тысячами фунтов, но сегодня удача повернулась лицом к Уинчелси.

– Если вы не против, милорд, я охотно поставил бы на вас.

– Весьма разумно с вашей стороны, Хайд. Между прочим, я заказал отдельный зал в кабачке «Клифтонз», недалеко от Темпл-Бар. Мы собираемся заглянуть туда, прежде чем отправиться в «Друри-Лейн». Не хотите ли присоединиться к нам за обедом?

– С удовольствием. – Чрезвычайно довольный тем, что ему удалось попасть в избранный круг приглашенных, Хайд удвоил свою ставку.

– Принимая во внимание сегодняшние хорошие новости, вам бы стоило пригласить на обед всех присутствующих, – с вызовом бросил лорд Карлайл.

– Черт меня побери, а ведь вы правы, Карлайл. Приходите

все. – Уинчелси снова принялся трясти стаканчик с костями под одобрительные крики и громкий смех собравшихся вокруг стола.

– Не будет ли слишком дерзко с моей стороны спросить вас, милорд, о каких добрых новостях идет речь? – вкрадчиво осведомился Хайд. Ему ответил Карлайл.

– По слухам, заклятый враг нашего друга сегодня утром поспешно покинул город.

– Эйтон уехал из Лондона? – раздался чей-то голос с другого конца стола.

– Правильнее было бы сказать, его увезли, – заметил лорд Карлайл.

– Так его наконец отправили в Бедлам? – поинтересовался тот же голос.

– Представьте, нет, несмотря на мой искренний совет, – проворчал Уинчелси, яростно тряся стаканчик. – Но все равно его ждет пожизненное заключение. Говорят, он сегодня женится.

– Все ставки сделаны, – нараспев произнес крупье.

– Интересно, какому же простофиле пришло в голову отдать за него свою дочь? – удивленно воскликнул кто-то из игроков. – Он ведь, кажется, убил свою первую жену?

– Это всего лишь слухи, они ничем не доказаны, – вступился за честь лорда Эйтона Карлайл. – Не стоит придавать им особого значения.

– Я с этим не согласен, – возразил Уинчелси. – Зная же-

стокий и необузданный нрав этого человека, я вполне допускаю, что он мог убить свою жену.

– Вы испытали на себе крутой нрав графа из-за флирта с его женой, – насмешливо заметил Карлайл, – а сейчас осыпаете его оскорблениями, потому что Эйтон – единственный, кому удалось победить вас на дуэли. Насколько я помню, вы лишь недавно перестали жаловаться на боль в плече от раны, которую он вам нанес. Если бы победа осталась за вами, вы не стали бы порочить имя лорда Эйтона.

– Вы хотите меня оскорбить? – с горячностью воскликнул Уинчелси.

– Вовсе нет, и вам не удастся уговорить меня встретиться с вами в парке на рассвете, друг мой. Давайте лучше продолжим игру, а Эйтон вместе со своей новой женой пусть отправляется к дьяволу.

В ответ послышались одобрительные возгласы игроков. Все еще сердито глядя на друга, Уинчелси неохотно вытряхнул кости на стол.

– Шесть, – объявил крупье, складывая кости обратно в стакан.

Карлайл самодовольно ухмыльнулся.

– Надеюсь, удача от вас не отвернулась.

– Не стоит принимать желаемое за действительное.

– Осталось только услышать, что за дверью стоит ваш портной и требует, чтобы с ним немедленно расплатились.

– Да вы сам дьявол, Карлайл, если вздумали пожелать мне

такое страшное наказание.

Не обращая внимания на пикировку между друзьями, Хайд не сводил глаз с костей, вновь покотившихся по столу. Семь. Яростные проклятия Уинчелси не выразили и малой доли того, что почувствовал плантатор. Среди этих господ проигрыш в пять сотен гиней считался не слишком значительной потерей, но для Хайда он стал очередным звеном в длинной цепи неудач.

Вдруг плечи и грудь плантатора пронзила острая боль. Он затаил дыхание, дожидаясь, пока пройдет спазм. Хайд не хотел привлекать к себе внимания, зная, что судорога скоро, отпустит. Эти внезапные приступы в последнее время стали случаться все чаще. Эта невыносимая боль полностью лишала его сил. Плантатор тяжело навалился на стол.

Стаканчик для игры перешел к лорду Карлайлу. Желаящие сделать ставку принялись оживленно переговариваться. Повернув голову, Хайд заметил в дверях своего поверенного и облегченно вздохнул. Извинившись, он поднялся из-за стола и стал пробираться к Платту в другой конец зала. Не говоря ни слова, стряпчий повел Хайда на выход, где его уже давно дожидался секретарь Гарри, беспокояно переминаясь с ноги на ногу.

Слуга подал Хайду шляпу, перчатки и трость, помог надеть плащ. Одеваясь, Джаспер пристально смотрел на своего секретаря. Боль в груди немного утихла, но воздуха по-прежнему не хватало. Хайд жестом приказал всей компании

следовать за ним, направляясь в небольшую комнатку у входа. Было очевидно, что прошло все не так, как задумывалось.

– Где она?

Платт плотно закрыл дверь, прежде чем выложить свои печальные новости.

– Гарри не удалось купить рабыню.

Хайда охватил гнев. Ярость клокотала так, что ему хотелось крушить все на своем пути. Секретарь испуганно съёжился, прижатый к стене тростью Хайда.

– Тебе были даны подробные указания. Все, что от тебя требовалось, – продолжать торговаться, пока эта женщина не уступит.

– Я так и сделал, сэр. Но цена стала расти.

– Леди Уэнтуорт появилась на аукционе неожиданно, – заметил Платт с безопасного расстояния.

– Я не смог выиграть торги, сэр, но я заставил ее светлость выложить кругленькую сумму за эту негритянку. Это просто старая никчемная рухлядь, а не рабыня, сэр.

Вне себя от бешенства, Джаспер Хайд с силой ударил секретаря тростью по голове.

– Это ты никчемная рухлядь! Тебя следует вышвырнуть к черту прямо сейчас. Ты что же, ничего не понял? Тебе было приказано торговаться до последнего и купить эту рабыню. Какое тебе дело до цены?

Но она ушла за сто десять фунтов, хозяин, – выпалил Гарри, потирая голову одной рукой и пытаясь защититься дру-

гой. – А толпа была настроена против меня. Все подумали, что я специально задираю цену. Толпа была на стороне леди Уэнтуорт, сэр. Я высматривал вашу карету, сэр, но ни вас, ни мистера Платта не было видно. Я не был уверен, что вы захотите поддержать торг, если цена поднимется выше пятидесяти фунтов. И все же я держался как мог, даже удвоил цену, но...

Трость взметнулась снова и опустилась на незащищенный бок секретаря, заставив его скорчиться и завывать от боли.

– Еще не все потеряно, – взволнованно заговорил Платт. – Существуют другие пути вернуть эту рабыню.

Джаспер Хайд, тяжело дыша, опустился в кресло и обеими руками вцепился в трость, пытаясь справиться с новым приступом резкой боли.

– Нам повезло, что рабыню купила именно леди Уэнтуорт, – примирительным тоном заметил Платт. – Она должна вам целое состояние по векселям, а ей неоткуда взять деньги. Она пять раз поднимала цену за негритянку, и, вполне возможно, у нее не окажется средств оплатить покупку. Думаю, я смогу уладить это дело через кредиторов Домби или через поверенного леди Уэнтуорт. Думаю, что к концу этой недели рабыня поступит в ваше распоряжение.

Хайд замолчал, обдумывая слова Платта. Боль по-прежнему терзала его, но уже начала слабеть. Когда он наконец поднялся, секретарь трусливо вжался в стену. Плантатор повернулся к поверенному.

– Удостоверьтесь в этом, – приказал он Платту. – И поскорее, время не терпит.

Несколько камней, крошащийся обломок древесной коры, горсть сухих листьев, крошечный мешочек с прядью волос – это было все, что Охинуа удалось спрятать в рукавах своей рваной рубахи. Теперь она разложила эти сокровища на кирпичной плите под небольшим очагом. Старая африканка пролила на кирпич несколько капель воды и бросила маленький кусочек хлеба, совершая древний обряд жертвоприношения, предшествующий заклинанию. Ей было за что возблагодарить духов. Они благосклонно внимали ей, стоявшей на коленях перед самодельным алтарем.

Протянув руку к очагу, Охинуа взяла горсть теплой золы и вымазала лицо и руки. В ее груди уже тихо звучал древний напев. Прислушиваясь к его ритму, она быстрее и быстрее раскачивалась, благодаря Оньям, высшее божество, позволившее ей выскользнуть из лап Джаспера Хайда. Она воспевала могущество духов, избавивших ее от оков на руках и ногах, цепей и железного ошейника.

Ее будущее по-прежнему было пока неясно. Охинуа доставили днем в контору стряпчего сэра Оливера Берча. Старуха отметила про себя, что этот долговязый англичанин носит имя дерева.¹ «Что ж, может быть, он тоже, как и дерево, наделен душой», – подумала она.

¹ Берч – береза (англ.).

Поверенный заглянул к ней немного позже и объявил, что леди с пристани уже подписала ей вольную. «Теперь вы свободная женщина», – сказал он. Африканке было трудно вникнуть в смысл этих слов. Свободная женщина.

Еще англичанин добавил, что эта самая дама, леди Уэнтуорт, будет рада, если Охинуа отправится вместе с ней в ее загородное имение в Хартфордшире. Поверенный объяснил, что в Мелбери-Холле живет и работает много освобожденных рабов. Возможно, Охинуа встречала кое-кого из них на Ямайке.

Имя Уэнтуорта было хорошо ей знакомо. Она прекрасно помнила всеобщее ликование, когда слух о смерти сквайра достиг сахарных плантаций на Ямайке. Но это было еще до того, как Джаспер Хайд схватил их всех за горло своей железной рукой.

Стук в дверь заставил старуху оборвать молитву. Дверь немного приоткрылась, и в проеме показалось лицо молодой женщины.

– Можно мне войти? – робко спросила она.

Большие голубые глаза с любопытством уставились на предметы, разложенные на кирпичах. Девушка окинула взглядом рваную рубаху и одеяло, которым была прикрыта Охинуа, и ее взор затуманился, а губы сжались в тонкую полосу. Лохмотья не могли скрыть уродливые шрамы на шее и запястьях рабыни.

– Я Вайолет, – мягко сказала незнакомка, открывая дверь

чуть шире. Охинуа заметила в ее руках поднос, но молодая женщина не спешила войти. – Я камеристка леди Уэнтуорт. Она прислала меня позаботиться о вас, прежде чем мы отправимся в Мелбери-Холл завтра утром. Можно мне войти?

Охинуа внимательно рассмотрела нарядное платье девушки, явно когда-то принадлежавшее ее госпоже. Старая женщина медленно кивнула, но осталась стоять на коленях.

– Я принесла вам немного горячей еды. – Девушка поставила поднос на стол и огляделась. Кувшин с водой и лохань для умывания стояли на маленьком сундуке в ногах кровати. – Жаль, я не догадалась захватить вам платье, но ничего, я оставлю свою накидку, а завтра днем мы уже будем в Мелбери-Холле. Стоит нам туда приехать, леди Уэнтуорт, миссис Пейдж и, конечно же, Амина позаботятся, чтобы у вас было все необходимое. – Вайолет зябко потерла руками плечи. – Вы не против, если я добавлю немного дров в огонь? Здесь довольно холодно.

Охинуа удивилась, что служанка задала ей подобный вопрос, но девушка стояла и ждала разрешения старой рабыни.

– Поступайте как хотите.

Охинуа поднялась с пола и присела на край постели. Молодая женщина осторожно, даже с уважением, как показалось старой негритянке, обошла разложенные на кирпичной плите предметы, прежде чем опуститься на колени и подложить дров в очаг.

– Вы молились, – сказала Вайолет, оглянувшись на Охи-

нуа. – Меня всегда восхищали ваши ритуалы.

– А разве они не возмущают вас как христианку?

– Нет! Они приводят меня в восторг. Это ведь алтарь, правда? Я знаю, вы считаете свой алтарь небесными вратами, ведущими к Богу... примерно так.

– Откуда вам столько об этом известно?

– В Мелбери-Холле у меня немало друзей-африканцев. Мы проводим много времени вместе, особенно с женщинами. И вера некоторых из них гораздо сильнее, чем моя, даже если они, скажем, не вполне христиане.

– В самом деле?

– Я поняла, например, что в своей вере они никогда не чувствуют одиночества, даже если их насильно разлучают с семьей. Они верят, что души их предков всегда рядом с ними.

– Вы не любите одиночества.

– Нет, честно говоря, не люблю. – Вайолет покачала головой и встала. – Я рада, что вы поедете с нами. Скоро вернусь, мне нужно найти трутницу.

Служанка торопливо покинула комнату, оставив дверь открытой. Охинуа проводила глазами девушку. Ее взгляд невольно задержался на двери. Впервые за шестьдесят лет своей жизни она была свободна.

И все же само по себе это известие сулило мало радости. Охинуа знала, как тяжело жить в этом мире, как много в нем горя и несправедливости. Возможно, она теперь и свободна,

как сказал законник, но ведь ей некуда идти, не на что купить хлеба. У нее нет работы, которая могла бы ее прокормить. Старая африканка все еще рабыня в мире белых людей.

Ее даже не спросили, хочет ли она ехать в Хартфордшир с этими людьми. Они заранее были уверены, что Охинуа с благодарностью ухватится за такую возможность. Что ж, быть может, так и есть. Охинуа подошла к лохани и умыла лицо и руки. Она стала наконец свободной, но мир остался прежним.

Вайолет скоро вернулась, чтобы разжечь огонь. Охинуа задумалась над поступком леди Уэнтуорт. Эта женщина прислала свою личную камеристку, чтобы прислуживать рабыне.

Может быть, отъезд в Мелбери-Холл станет началом новой жизни. А может, и нет. В этом мире рабыня не сомневалась только в одном – в смерти.

Глава 4

– Я знаю, эта новость стала для вас полной неожиданностью. Извинитесь, пожалуйста, перед нашими людьми за лишние хлопоты, которые я на них взваливаю. Лорд Эйтон может приехать в любое время, и мне нужна ваша помощь, чтобы все успеть приготовить, – робко сказала Миллисент, обращаясь к управляющему и экономке.

Хозяйка Мелбери-Холла стояла у зажженного камина в библиотеке, зябко протягивая руки к огню. Из-за холода и сырости путь из Лондона оказался длинным и мучительным. Вайолет и старая негритянка ехали в карете, а Миллисент с грумом следовали за ними верхом. Ледяной зимний ветер жестоко хлестал их всю дорогу, но никакие физические страдания не могли сравниться с тем душевным смятением, которое испытывала новобрачная. Превратить простой загородный дом в жилище, достойное графа Эйтона! Миллисент сомневалась, что сумеет устроить подобающую встречу пэру Англии. За время короткого визита к вдовствующей графине она успела многое услышать о Баронсфорде, замке Эйтона. Лондонский дом Эйтона поразил молодую женщину своей роскошью и великолепием. Можно себе представить, каким огромным и богатым было имение ее нового мужа в Шотландии. У Миллисент голова шла кругом, она боялась разочаровать графа.

– Но в самом деле, миледи! – Восклицание управляющего заставило Миллисент выйти из задумчивости. – Успеть сделать все сегодня? То, о чем вы просите, совершенно невозможно. Уже поздно, вечерет. Да нам не хватит времени даже...

– Мистер Дрейпер, – перебила его Миллисент, чувствуя, что ее терпение на исходе. Она хорошо знала манеру этого человека постоянно ворчать и жаловаться. – Нам действительно не хватит времени, если мы будем тратить его на бессмысленные споры и препирательства. Будьте так добры, передайте мои указания конюхам, чтобы они нашли где разместить экипажи его светлости и позаботились о лошадях. Расскажите новости Джоунс и напомните слугам, что необходимо поторопиться. Нам с миссис Пейдж еще нужно проследить, чтобы комнаты были готовы.

Управляющий обиженно отвернулся к двери. Миллисент понадеялась, что у него хватит ума изменить привычную манеру держаться, прежде чем он будет представлен лорду Эйтону. В дверях Дрейпер нерешительно замер.

– А как насчет африканки? Она отказывается разговаривать. Даже ее соплеменники не смогли уговорить эту женщину войти в кухню. Мало того, негритянка не желает переодевать эти кошмарные лохмотья, которыми она обмотана. Что прикажете? Пусть остается там, где сидит? Но она загроживает собой вход на кухню.

Миллисент забыла проследить, чтобы несчастной женщи-

не сразу предоставили комнату. Вайолет говорила, что рабыня накануне вечером отказалась от еды и не пожелала накинуть плащ поверх своих лохмотьев.

– В этом доме с ней следует обращаться как с гостьей, мистер Дрейпер. Я лично позабочусь об этой женщине, как только закончу свои дела с миссис Пейдж.

– Прежде чем вы начнете оскорблять и выгонять с насиженных мест всех и каждого в доме, миледи, – язвительно заметил управляющий, – вам следует знать, что наверху совсем не осталось свободных комнат. Раньше полевые рабочие размещались в Гроув, а теперь они заполонили усадьбу и хозяйничают так, что порядочным слугам и повернуться негде. Для этой африканки здесь нет места. Я настоятельно советую вам пересмотреть ваше решение насчет хижин в Гроув, которые якобы непригодны для жилья. Да любая тамошняя лачуга покажется этой женщине дворцом по сравнению с тем, где ей приходилось жить раньше.

– Я уже сказала, что сама позабочусь об этой женщине, мистер Дрейпер. Вы можете идти.

Когда управляющий покинул гостиную, заговорила экономка:

– Новую гостью можно поселить в одной из комнат мистера Дрейпера, миледи. Он вечно жалуется, что его комнаты не идут ни в какое сравнение с прежними апартаментами у предыдущего хозяина.

– Вы думаете, он добровольно уступит ей свою гостиную?

В глазах экономки вспыхнули насмешливые искры.

– Я уверена, миледи, что он тут же потребует расчет, стоит только предложить ему уступить комнату.

Миллисент огорченно покачала головой.

– Боюсь, мы не можем сейчас этого допустить, миссис Пейдж. Сейчас не самое лучшее время, чтобы расстаться с ним. Найти и удержать управляющего, который искренне верил бы в успех того, что мы пытаемся здесь создать, – почти невозможная задача.

– Но это не ваша вина, миледи. Все дело в этих невежественных и тупых мужчинах.

– Возможно, Мэри, но вот без вас я и в самом деле не обойдусь. – Миллисент мягко коснулась руки экономки, выражая свою признательность, и тут же озабоченно нахмурилась. Ее вновь охватила тревога. – Что касается комнат, я думала приготовить для графа старые апартаменты сквайра Уэнтуорта. Это возможно?

– Комнаты содержались в чистоте. Я проветрила все постели, пока вы были в Лондоне. Осталось только постелить свежие простыни. Я могу заняться этим прямо сейчас.

– Надо бы распорядиться насчет новой мебели.

– Вы просто давно не заходили в комнаты, миледи. Они и так прекрасно выглядят.

– Нужно заранее сложить дрова в камине, чтобы сразу же разжечь огонь, если его светлость прибудет сегодня, – покорно добавила Миллисент. – Нам еще понадобится маленькая

комната для гостей. Это на тот случай, если приедет доктор. Я не уверена, что он прибудет вместе с его светлостью, но хочу на всякий случай подготовиться. Еще нужно где-то разместить слуг графа. Надеюсь, для камердинера его светлости подойдет соседняя комната.

– Ну конечно, миледи, оттуда он всегда сможет услышать своего хозяина. Что же касается остальных слуг, насколько я знаю, некоторые наемные рабочие приспособили для себя чердак на сыроварне. Они навели там порядок и могут перебраться прямо сейчас. Если надо, я могу подселить к Вай еще двух девушек, и тогда освободится место для...

Экономка продолжала говорить, но мысли Миллисент были уже далеко. Она обдумывала свой новый план, который не давал ей покоя. Большая часть выехавших из Гроув рабочих поселились в нескольких пустых домиках на отдаленных фермах, а остальные временно заняли комнаты слуг в усадьбе. Но и тем и другим приходилось довольно тяжело, особенно в сезон уборки урожая. Прежде Миллисент с ее скудными средствами не смела даже мечтать о постройке новых домов или ремонте старых, но теперь замужество открывало перед ней множество потрясающих возможностей. Можно будет расчистить землю у реки и построить приличные домики для рабочих. Хорошо было бы осушить болотистый берег и возвести каменное укрепление, чтобы весной река не разливалась. Интересно, задумалась она, задержится ли граф Эйтон в этом крохотном тесном поместье достаточно

долго, чтобы она успела осуществить хотя бы один из своих грандиозных проектов?

– Сколько слуг сопровождают его светлость, миледи?

– Думаю, человек шесть. Может быть, больше.

– И как же мне распорядиться на кухне насчет еды? Что любит граф?

– Я и сама не знаю. Он шотландец. А что едят шотландцы?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, миледи. А где он будет есть, как вы думаете?

Миллисент озабоченно покачала головой.

– Он прикован к креслу или к постели. Пожалуй, нам лучше подождать, пока он придет, прежде чем отдавать какие-то распоряжения.

– А как насчет мебели в этой комнате? Как вы думаете, граф будет проводить утренние часы здесь?

Миллисент обвела глазами старые, но удобные кресла в библиотеке и неожиданно поняла, что не имеет ни малейшего представления, как собирается проводить свои дни ее новый муж. Она почти ничего не знала о нем. Внезапно она поймала себя на мысли, что Мелбери-Холл ужасно мал и тесен. Раньше ей никогда не приходило это в голову. Спальня Миллисент на одном этаже с комнатой графа. Если он станет звать слуг, она непременно услышит. Теперь хозяйка Мелбери-Холла не сможет не обращать внимания на присутствие в доме постороннего и вести себя так, словно она здесь одна. Молодую женщину снова стали терзать сомнения, правиль-

но ли она поступила.

– Я боюсь, он решит, что этот дом недостаточно хорош для него.

– По-моему, вы напрасно так тревожитесь, миледи. Это прекрасный дом, а вы отличная хозяйка. Нет нужды раньше времени расстраиваться, гадая, что мы упустили из виду. Слава Богу, все пока идет как надо.

Слова Мэри немного успокоили Миллисент.

Женщины направились к дверям. Там уже столпились несколько слуг. Все они были чересчур взволнованы. Один из них, завидев Миллисент, опрометью кинулся к ней.

– Они уже во дворе, миледи. Карета, два фургона и шестеро верховых. Его светлость здесь. Его камердинер велел передать вам, что граф Эйтон прибыл.

– Миссис Пейдж, бегите! Возьмите кого-нибудь себе в помощь и быстро приготовьте комнаты. И еще найдите мистера Дрейпера. Всем следует выйти во двор, поприветствовать его светлость.

Экономка стремглав побежала в дом, а Миллисент поспешно бросилась вниз по лестнице к двери. Но не успела она еще выскочить во двор, как ее настиг испуганный окрик. Миллисент резко обернулась и увидела свою молодую камеристку, бежавшую за ней по пятам.

– Что там еще, Вайолет?

– Она мертва, миледи! Охинуа! Она у кухонной двери и, кажется, не дышит.

Миллисент не раздумывая ринулась на кухню, махнув рукой привратнику.

– Скажите людям его светлости, что я сейчас выйду поздороваться с графом, одну минут...

– Миледи! – В дверях, выходящих в сад, появился конюх. – Они вот-вот убьют друг друга, ей-богу!

– Кто кого убьет?

– Мистер Дрейпер и Джоуна, мэ. Управляющий что-то сказал парню. Я видел, как старый Мозес пошел туда. Ну вы же знаете – его никто не остановит, если он решит, что Джоуну обидели.

– О нет! – Миллисент подхватила юбки и побежала к двери. – Иди во двор и помоги людям графа Эйтона.

На бегу она молилась, чтобы старая африканка оказалась жива, а граф не счел бы себя оскорбленным из-за того, что хозяйка не спешит его приветствовать. Но больше всего она боялась, как бы Мозес не совершил чего-нибудь непоправимого, не нанес увечий себе или кому-нибудь другому. Только не это. Неужели им предстоит снова пережить этот кошмар?

Ключья рассветного тумана повисли между черными ветвями деревьев. С темных листьев стекали капли росы. Пистолет, украшенный серебром и перламутром, мог показаться продолжением руки Лайона. Эйтон бросил быстрый взгляд на двух мужчин в отдалении. В тумане их неясные очертания казались расплывчатыми пятнами. Раздался чей-то окрик, печальный и протяжный, отозвался эхом и за-

тих. Лайон прислушался к отдаленному шепоту реки. Где-то неподалеку проснулась и запела птица. Эйтон вдохнул терпкий запах влажной земли, как будто ему в последний раз было даровано это право, эта драгоценная привилегия.

Враг поднял свой пистолет, целясь в хмурое стальное небо. Лайон сделал то же самое. «Как много людей должно умереть», – подумал он. Нарядно одетый хлыщ в белоснежной перчатке вытянул руку, сжимая платок. И вот тряпица падает вдруг на землю, кружась в воздухе словно бабочка.

Лайон еще не успел спустить курок, как туман рассеялся. Расплывшиеся черты его противника вдруг обрели ясность. Перед ним стоял Пирс с пистолетом в руках. Дейвид, их младший брат, был его секундантом. И тут раздался выстрел.

Лайон проснулся как от удара. Его лицо было мокрым от пота. «Это всего лишь сон, – сказал он себе. – Просто еще один кошмар». Он попытался стряхнуть с себя оцепенение. Казалось, он проспал целую вечность. Конечно, сегодня утром, прежде чем отправиться в путь, он принял одно из этих проклятых снадобий.

Неожиданно Эйтон понял, что карета стоит, а не двигается. Он огляделся и обнаружил, что камердинера Гиббза в экипаже нет. Шторка на дальнем окне кареты была отодвинута в сторону, но сколько Лайон ни всматривался, он смог разглядеть лишь кирпичные стены и высокие чугунные ворота. Это зрелище невольно привело его в замешательство.

Лекарство по-прежнему мешало ясно мыслить, и граф запа-
никовал.

Бедлам. Они сказали, что собираются отвезти его в дом
к этой женщине, его новой жене, но то была ложь. Они при-
везли его в Бедлам. Страх в душе Лайона мгновенно уступил
место гневу. Так же стремительно солнце скрывается за туч-
ами при приближении грозы в горах Шотландии. Еще од-
но предательство. Здоровой рукой Эйтон сорвал одеяло, ко-
торым были укрыты его колени. Нет, он не станет узником
дома для умалишенных. Он вовсе не безумен. Прочь отсю-
да, прочь от этих зловещих чугунных ворот. Лайон попытал-
ся оттолкнуться от подушек, но тело – жалкая груда искоре-
женных костей и плоти – не повиновалось ему. Лайон даже
не мог сдвинуться с места.

Ему стало вдруг безразлично, куда его привезли. Он все-
го лишь несчастный калека. Его жизнь, вероятно, кончена.
Если бы у него только был пистолет, он бы не раздумывая
положил конец своему ненавистному существованию.

– Мистер Дрейпер, вы уволены. – Голос Миллисент
отозвался гулким эхом в окрестностях. Владелица Мелбе-
ри-Холла услышала вопли управляющего, как только выбе-
жала из дома. Во всю глотку Дрейпер поносил свою госпо-
жу за нерадивость и обвинял в испорченности. Только такая
распущенная особа, как она, могла притащить под свою кры-
шу этого шотландского дьявола, «короля скандалов», да еще

объявить своим мужем. Джоуна тут же встал на защиту миледи. Казалось, драки не избежать.

– Вы уволены, – повторила Миллисент, останавливаясь в двух шагах от сцепившихся мужчин. Управляющий злобно уставился на разгневанного Джоуну, всем своим видом выражая презрение. Он будто бы не слышал слов Миллисент. – Немедленно соберите вещи и покиньте Мелбери-Холл!

– Это дело вас совершенно не касается, миледи, – проворчал Дрейпер, продолжая сверлить взглядом Джоуну. – Я разберусь с этим наглым рабом!

– В Мелбери-Холле нет рабов, мистер Дрейпер. Это вы ведете себя слишком дерзко. Я слышала все, что вы только что говорили. Джоуна имеет полное право возмутиться, когда меня оскорбляют в его присутствии. – Миллисент посмотрела на Мозеса и мысленно поблагодарила Бога за то, что старик не впутывался в драку.

Лицо Мозеса было покрыто многочисленными шрамами от побоев работоторговцев и бывших хозяев, подобных Уэнтуорту. Миллисент прекрасно знала, что, несмотря на высокий рост, мощное сложение и свирепый вид, Мозес был добрейшим созданием, тихим и кротким, если только кто-нибудь не пытался обидеть Джоуну.

Она вновь повернулась к Дрейперу.

– Повторяю вам, сейчас же вернитесь в дом и соберите свои вещи.

– Не раньше, чем разберусь с ним.

Управляющий шагнул к Джоуне. Мозес уже готов был броситься на Дрейпера, но Миллисент мгновенно преградила ему дорогу. Она взяла его за плечо и покачала головой, отчаянно надеясь, что вот-вот появится кто-нибудь из слуг. Миллисент боялась, что Джоуна не сумеет постоять за себя после стольких лет бесконечных побоев и унижений. Наделенный незаурядным умом, Джоуна исполнял обязанности помощника управляющего и подавал большие надежды. Он обладал блестящими способностями, но ему явно не хватало уверенности в себе. Все больше волнуясь, Миллисент бросила взгляд на тропинку. Кто-то действительно шел со стороны усадьбы. Приглядевшись, она узнала Гиббза, личного камердинера его светлости. Они виделись мельком накануне в Лондоне, сразу после свадебной церемонии.

– Хозяйка сказала, чтобы вы шли собирать свои вещи, мистер Дрейпер, – неожиданно для всех произнес Джоуна.

– Я научу тебя, как открывать свой поганый рот, скотина. Миллисент резко обернулась и увидела, как Дрейпер с силой толкнул Джоуну в грудь.

– Прекратите немедленно! – закричала она на управляющего, отчаянно цепляясь за Мозеса. Если Дрейпер ударит Джоуну, Мозес непременно его убьет. Миллисент боялась, что не сможет долго удерживать чернокожего великана. – Я приказываю вам сейчас же покинуть мой дом.

Управляющий угрожающе поднял кулак, но в следующий миг, к изумлению Миллисент, Гиббз одним стремительным

движением ухватил его за ворот и швырнул на землю лицом вниз. Он проделал это с удивительной легкостью, будто сорвал с ветки подгнившее яблоко.

– Маленькая неприятность, сэръ? Не желаете слушать, что вам приказывает хозяйка? – Гиббз поставил свою массивную ногу на шею Дрейпера и вдавил лицо управляющего в мерзлую землю. Камердинер графа, высокий широкоплечий шотландец с густыми черными волосами, обладал недюжинной силой. Сразу бросались в глаза его огромные кулаки и грудь, словно пивная бочка. С таким человеком лучше не шутить. Дрейпер мгновенно присмирел и утратил весь свой воинственный пыл. Это было просто поразительно. – Я слышал, ее светлость велела тебе убираться отсюда, ты, жирная тварь.

– Я как раз и собирался это сделать. Я уже ухожу, сэръ. Как только вы меня отпустите.

Так и не сняв ногу с шеи управляющего и даже не ослабив нажима, Гиббз вежливо кивнул Миллисент.

– Ваши люди могут помочь мне избавиться от этого неотесанного грубияна и вышвырнуть его на дорогу в Сент-Олбанс?

– Я уверена, Джоуна и Мозес будут рады помочь вам, мистер Гиббз. – Хозяйка Мелбери-Холла повернулась к лежащему на земле управляющему. – Ваши вещи доставят на постоянный двор «Черный лебедь» в Небуорт-Виллидже. – Выражение лица Дрейпера под ногой шотландца никак нельзя

было назвать счастливым. Миллисент с беспокойством посмотрела в сторону дома. – А его светлость уже внесли в дом, мистер Гиббз?

– Нет, миледи. Лорд Эйтон заснул, я оставил его в карете. Я подумал, что вы, возможно, захотите лично поприветствовать графа, прежде чем мы внесем его в дом.

– Да, конечно, – прошептала Миллисент. Она отлично понимала, как важно оказать достойный прием лорду Эйтону, но все ее мысли занимало сейчас несчастье с Охинуа, о котором успела сообщить ей Вай.

Гиббз, должно быть, догадался, о чем она думает, перехватив тревожный взгляд молодой женщины.

– Да, миледи. Когда я проходил через людскую, ваша маленькая экономка попросила меня передать вам пару слов насчет африканской служанки на кухне. Эта женщина пришла в себя, сейчас с ней все в порядке.

– Благодарю вас. – Миллисент действительно была очень признательна Гиббзу за его вмешательство. Джоуна тоже казался довольным. Она заметила, как он сгреб Дрейпера за шиворот и резко поставил на ноги, когда шотландец позволил бывшему управляющему подняться. – Думаю, мне лучше пойти во двор и поздороваться с его светлостью.

Молодая женщина свернула за угол и тут почувствовала, что холодный ветер пробирает ее до костей. Миллисент охватила дрожь. Только сейчас она заметила, что на ней нет ни шали, ни плаща, а лишь одно тонкое платье.

Во дворе уже выстроились все слуги Мелбери-Холла, приветствуя нового хозяина. Когда Миллисент прошла мимо них, из дома выскочила миссис Пейдж. Поспешно сделав хозяйке реверанс, она заняла место в общем ряду.

Слуги графа тоже стояли в ожидании. Чувствуя, что за каждым ее движением следит множество глаз, Миллисент сделала над собой усилие, чтобы скрыть свою робость. Твердым уверенным шагом она направилась к карете.

Сквозь узкую щель в занавесках трудно было хоть что-нибудь разглядеть снаружи. Казалось, что в карете никого не было, но лакей открыл вдруг дверцу.

Беспомощный и неподвижный граф лежал на полу, зажатый между двумя сиденьями в самой нелепой и вычурной позе. Он открыл глаза, а новобрачная поспешно переступила через безвольно раскинутые ноги графа и закрыла за собой дверцу. Ему не нужно было ничего объяснять. Миллисент прекрасно понимала, что новый хозяин Мелбери-Холла не должен предстать перед своими слугами в таком виде.

– Мне очень жаль, милорд. Вы упали с подушек. – Она отчаянно предпринимала неуклюжие попытки поднять графа в тесной карете, попробовала согнуть его ноги в коленях, но у нее ничего не получалось. – Путешествие из Лондона в карете так утомительно, да и дороги у нас в ужасном состоянии. Словом, нет ничего хуже такой вот долгой поездки, да к тому же в незнакомое место...

Миллисент понимала, что болтает без умолку и несет пол-

нейший вздор, но чувствовала себя крайне неловко, оттого что сразу не уделила графу должного внимания. Его пристальный взгляд смутил ее окончательно. Молодая женщина согнулась в три погибели в узком просвете между сиденьями и попыталась нащупать правую руку Эйтона.

– Будьте добры, обхватите меня за шею, тогда я смогу освободить вторую вашу руку. – Граф ничего не ответил. Миллисент робко взгляделась в его бородатое лицо. Выражение голубых глаз Лайона можно было назвать устрашающим, но она решила, что это скорее всего объясняется болью, которую он, несомненно, испытывал. Эта догадка придала Миллисент твердости. – Пожалуйста, милорд. Если бы вы смогли хотя бы...

– Гиббз. Найдите его.

Миллисент облегченно вздохнула, добившись хоть какого-то ответа.

– Он сейчас придет, но...

– Приведите Гиббза, – повторил он громче.

– Я не собираюсь нести вас в дом сама; просто подумала, что вам было бы намного удобнее, если бы вы смогли сесть на подушки. – Миллисент внезапно замолчала, чувствуя себя лгуней, ведь она не сказала всей правды.

На какое-то мгновение она мысленно перенеслась в прошлое, когда сама сидела в карете, жестоко избитая Уэнтуортом, в отчаянии пряча лицо от любопытных взглядов уличных прохожих. Миллисент привыкла утаивать правду – ведь

это был единственный способ избежать вспышек ярости и недовольства мужа. Но положение графа Эйтона ничем не напоминало ее собственное.

– Простите, милорд, я начала действовать не подумав. – Она отодвинулась от Лайона и присела на краешек сиденья. – У меня возникли неприятности с одним из моих работников. Ваш камердинер был настолько любезен, что вызвался мне помочь. Он должен вот-вот прийти.

– Гиббз!

Громкий крик Эйтона буквально оглушил Миллисент. Перед ней на миг возникло страшное видение сквайра Уэнтуорта с багровым лицом, вздувшимися жилами на шее и стиснутыми кулаками, занесенными над ее головой. Миллисент уже была готова распахнуть дверцу кареты и выпрыгнуть, но тут же попыталась отогнать этот навязчивый кошмар. В окошко ей были видны любопытные лица выстроившихся во дворе слуг.

– Я же говорю вам, что он сейчас появится, милорд, – сказала она нарочито спокойным тоном.

– Гиббз!

Бессильный гнев в голосе графа заставил Миллисент вскочить с края подушки. Она снова склонилась над Лайоном, исполненная решимости действовать.

– Скажите, как я могу помочь вам. Это ведь ваша рука, не так ли? – Миллисент не стала больше просить графа ни о чем, а вместо этого обхватила его за талию и попробовала

приподнять и освободить покалеченную руку, но все ее усилия оказались тщетными. Миллисент не хватало сил, чтобы сдвинуть Лайона с места. Сам же он не делал ничего, чтобы помочь ей. И все же она не оставляла попыток.

Когда Гиббз минуту спустя рывком распахнул дверцу кареты, Миллисент лежала на полу, обхватив руками лорда Эйтона. Их тела сплелись в один клубок. Лицо молодой женщины пылало, волосы, когда-то собранные в узел на затылке, разметались, платье измялось и перекрутилось. Тяжело дыша, она подняла голову и бросила беспомощный взгляд на камердинера. Он замер на подножке, удивленно подняв брови от неожиданности.

– Прошу прощения, миледи, я не знал, что ваш медовый месяц начнется так скоро.

Глава 5

Немного позднее Миллисент сообщила экономке:

– С ними нет врача, но, по словам мистера Гиббза, некий доктор Паркер будет приезжать сюда два раза в месяц из Лондона на пару дней, чтобы осмотреть графа. А пока я устрою Охинуа в комнате, которую вы приготовили для доктора. – К чести Мэри, она и ухом не повела, когда хозяйка предложила поселить негритянку в одной из комнат для гостей.

– Ей нужно только вымыться, миледи, и сменить одежду.

Вайолет говорит, что за всю дорогу эта женщина не сказала и двух слов. Одной из наших девушек удалось влить в нее немного бульона, когда она только пришла в себя, но стоило ей сообразить, что к чему, как она вернулась на кухню, где сидит и сейчас. И вот что интересно: едва прошел слух, что эта африканка здесь, как все наши полевые рабочие стали совать нос на кухню, чтобы поглазеть на нее. Но она уставилась в стену и ни на кого не смотрит. Миледи, кто эта женщина?

– Довольно необычная особа. Ее настоящая история мне неизвестна. Знаю только, что она принадлежала лекарю по имени Домби, который много путешествовал на судах работорговцев, а в перерывах между странствиями жил на Ямайке. Мне уже рассказывали бесчисленные истории о храбро-

сти этой женщины. Ее хорошо знали на сахарных плантациях, ведь она помогала очень многим людям.

На кухне миссис Пейдж тут же начала раздавать распоряжения слугам, а Миллисент заметила, что Амина уже здесь и тихо беседует с пожилой африканкой. Эта молодая женщина, жена Джоуны, стала правой рукой Мэри и была просто незаменима в Мелбери-Холле.

– Мы благодарны вам, миледи, что привезли сюда Охинуа, – тихо сказала Амина.

– Она выглядит голодной и изнуренной. – Миллисент озабоченно посмотрела на высокий тонкий силуэт африканки. – Почему она отказывается войти в дом?

– Она слишком гордая, к тому же не знает, что ее здесь ждет.

Понимающе кивнув, Миллисент направилась к старой негритянке. Темные глаза Охинуа неподвижно смотрели на стену. На ее морщинистом лице оставили свой след годы и разочарования.

– Мы очень рады, что вы с нами, Охинуа, – мягко сказала Миллисент. – Вам вовсе ни к чему сидеть у двери. Может, вам лучше войти?

– Мне сказали, что я теперь свободная женщина.

– Да, это так.

– В таком случае я не желаю входить в дом рабовладельца. – Взгляд старухи скользнул по лицу Миллисент и снова уперся в стену.

– Я не держу рабов, Охинуа, и не одобряю тех, кто владеет другими людьми и жестоко с ними обращается.

Все, кто живет и трудится в Мелбери-Холле, находятся здесь по собственной воле.

– Я видела, как Уэнтуорт издевался над своими людьми на Ямайке! – крикнула Охинуа так громко, что на кухне задребезжали стекла.

– Это был мой муж, но не я, – запальчиво возразила Миллисент. – Я стараюсь, Охинуа. С тех пор как умер сквайр, я делаю все возможное, чтобы исправить несправедливость, которую он совершил. Я потеряла плантации на Ямайке, не успев там хоть что-то сделать, но пытаюсь изменить жизнь здесь.

Взгляд негритянки снова оторвался от стены и на какое-то мгновение задержался на Миллисент.

– Чего вы хотите от меня? Как я буду здесь зарабатывать себе на жизнь?

Миллисент смутилась. Темные глаза Охинуа, казалось, заглянули ей в самую душу.

– Я бы солгала, если б сказала, что вам ничего не нужно будет делать. Нам пригодится любая помощь. Сказать по правде, я пока не знаю, что вы могли бы делать здесь. – На этот раз Миллисент сама повернулась к стене и принялась разглядывать многочисленные трещины на ее поверхности. – Я приехала вчера на торги, потому что узнала фамилию доктора Домби в газетном объявлении. А пришла,

потому что не могу помешать Джасперу Хайду прибраться к рукам плантации Уэнтуорта. Там осталось столько жизни, которые я так и не смогла спасти! Меня не покидает чувство вины. Если б я сама поехала туда, возможно, мне бы удалось сохранить плантации. – Она повернулась к старой негритянке. – Освободив вас, я надеялась искупить часть своей вины, хотела еще раз напомнить моим людям, да и себе самой, что нам всем нужно стремиться быть сильными и мужественными, такими, как вы.

– Я всего лишь знахарка. Ничего больше.

– На Ямайке вас знали как человека, которому можно доверять. Это дорогого стоит. – Заметив, что за ними внимательно наблюдают слуги, Миллисент невольно понизила голос. – Хотя бы на первое время останьтесь, пожалуйста, в Мелбери-Холле как моя гостья.

– Если я и переступлю порог этого дома, то не ради облегчения вашей совести, а чтобы утолить свой голод.

Миллисент улыбнулась.

– Что ж, я это принимаю. У каждой из нас свои причины, а это местечко ничем не хуже любого другого, чтобы начать новую жизнь.

Охинуа оглядела кухню, обвела глазами лица, смотревшие на нее с надеждой, и перешагнула порог.

От холода земля совсем промерзла, а ночь выдалась такая темная, что лес казался особенно угрюмым и зловещим. Но

Вайолет почти не думала об опасностях, которые могли ее здесь подстергать. Вот уже больше месяца дважды в неделю она пробиралась в эту часть леса, спеша на свидание.

Молодой каменщик Нед Кранч, высокий и широкоплечий, с крепкими как скала мускулами, появился в Небуорт-Виллидже осенью. Он нанялся на строительство нового дома, а как-то раз воскресным утром встретил Вайолет возле церкви. С тех пор стоило Вай появиться в деревне, как красивый зеленоглазый великан был уже тут как тут. Заметив девушку, Нед учтиво снимал шляпу и обязательно говорил при этом что-нибудь приятное: ах, какая она хорошенькая, как от нее чудесно пахнет!

Миссис Пейдж пару раз довелось услышать сладкие речи Неда. Экономка так разволновалась, что устроила девушке форменный разнос, призывая ее быть осторожной. Но Вайолет уже исполнилось восемнадцать. Она отлично знала, что делает.

Вай вышла из леса и побежала к условленному месту. Неда там не оказалось. Девушка растерялась, но буквально через минуту сильные руки обхватили ее сзади. У Вай перехватило дыхание, когда Нед повернул ее к себе и закружил в своих объятиях.

Она даже не успела прошептать ему ни одного слова, как Нед закрыл ей рот поцелуем. Уступая его ласкам, Вай таяла в его руках. Она с удовольствием запустила пальцы в густые светлые кудри Неда и стала его тормозить, одновременно

пытаясь ответить на поцелуй, как он ее учил. Нед оторвался от ее губ, но не выпустил Вай из своих объятий.

– Я так скучала по тебе, – прошептала девушка, покрывая поцелуями мощную шею Неда.

– Девочка моя, мне тоже знакомо это чувство. – Он кивнул в ту сторону, откуда она пришла. – Я не думал, что тебе удастся выбраться из-за событий в Мелбери-Холле.

Она удивленно взглянула на него.

– Ты уже слышал наши новости?

– Так, кое-что. Ты же знаешь, что такое деревенские переуды. – Он приник губами к ее шее, нежно прикусив зубами кожу. Вай охватила сладостная дрожь. – Я мечтал об этом с нашей последней встречи.

– Ты настоящий дьявол, Нед Кранч, – вздохнула Вай.

– Кто тебе сказал? – рассмеялся он. – Слушай, Вай, это правда, что твоя хозяйка обзавелась новым мужем?

– Чистая правда. Это так же верно, как то, что я стою сейчас перед тобой, – прошептала Вайолет, едва не мурлыча от удовольствия, когда Нед принялся сквозь платье гладить ее грудь.

С каждой встречей ласки Неда становились все более смелыми. В самом начале это были лишь поцелуи, но в последние пару недель Нед позволял себе такие вольности, что Вайолет каждый раз охватывала мучительная и сладкая дрожь. Впрочем, дальше нескромных прикосновений дело пока не зашло, хотя предостережение миссис Пейдж так и звенело у

Вай в голове.

– А еще говорят, что она привезла себе из Лондона новую рабыню. – Рука Неда скользнула вниз, к животу девушки.

– Это одна старая женщина. – Вай закрыла глаза и безвольно склонилась к Неду на грудь, когда его пальцы стали ласкать ее бедра. – Ее зовут Охинуа, и она больше не рабыня.

– Ты мне расскажешь все это потом. – Он притянул ее к себе и впился губами в ее губы так, что у Вай закружилась голова. – Пойдем со мной.

– Куда?

В глазах Неда заплясали озорные искры.

– Ко мне в комнату, в «Черный лебедь». Мы пройдем туда через черный ход, девочка моя, тебя никто не увидит.

Вайолет колебалась. У него на уме явно было именно то, чего она надеялась избежать, по крайней мере пока он не попросит ее выйти за него замуж.

– А почему мы не можем остаться здесь?

Нед обхватил Вай руками, поцеловал и тесно прижал к себе, заставляя почувствовать, как пылает от неутоленного желания его тело.

– Чтобы сделать то, чего я хочу, милая, мне нужно сначала снять с тебя всю твою прелестную одежду до единого лоскутка, а потом поцеловать тебя всю-всю, каждое укромное местечко на твоём теле. Что ж, если ты хочешь, мы можем сделать это и здесь, но, боюсь, будет немного холодно.

Тело Вайолет было охвачено огнем, но в голове еще оста-

вались крупыцы разума.

– Нед, не надо, мы не должны. – Заметив, как в глазах ее возлюбленного мелькнула обида, Вай тут же пожалела о своих словах. – Ты ведь знаешь, – смущенно зашептала она. – Я никогда... ну, никогда не делала этого раньше. Вот почему мне не по себе. То есть страшно, если честно.

– Тут нет ничего страшного. Но я вовсе не спешу, девочка моя. Мы останемся здесь, если ты хочешь. – Нед улыбнулся и повел Вай к поваленному дереву на краю леса.

– Ты не против, Нед? – робко спросила девушка, когда он притянул ее за руку, чтобы посадить к себе на колени. – Правда?

– Нет, дорогая. Я знаю, как тебя успокоить, чтобы улеглись все твои тревоги. – Он принялся ласкать ее бедра, скользя рукой все выше и выше, пока дыхание Вай не стало прерывистым. – Ты просто подумай о Мелбери-Холле, расскажи мне о нем все, что тебе захочется, а я поцелую тебя. Здесь есть одно чудесное маленькое местечко прямо под ушком... Ну как тебе?

– Ты уверен... – задыхаясь, прошептала девушка, когда ласки Неда стали еще настойчивее. – Ты уверен, что стоит делать это сейчас? Может, нам лучше подождать?

– Подождать? Нет, девочка моя. – Он поднял голову и посмотрел ей в глаза. – Я не собирался говорить об этом сейчас, но, может быть, так даже лучше.

– Что?

– Я люблю тебя, Вай.

– Правда любишь?

– Да, – ответил он, прижимая губами к ее шее. – Ну расскажи мне, что там у вас интересного в Мелбери-Холле.

Глава 6

Миллисент казалось странным, что она уже второй раз ложится спать, так и не увидев лорда Эйтона. После происшествия в карете Гиббз и еще двое лакеев отнесли графа в его комнату, затем по его просьбе ему доставили ужин наверх. Казалось, слуги лорда Эйтона отлично справляются со своими обязанностями и умело выполняют все требования графа.

Никаких жалоб. Никаких просьб. После ужина в доме воцарилась абсолютная тишина. Но Миллисент никак не могла избавиться от неприятного чувства. Ей казалось, что, договариваясь о женитьбе своего сына, вдовствующая графиня имела в виду отнюдь не комнату для лорда Эйтона в Мелбери-Холле. Она ясно дала понять, что ей нужен кто-то способный испытывать жалость, сострадание.

Миллисент хотела сблизиться со своим новым мужем, но для этого нужно было избавиться от терзавшего ее чувства страха и тревоги. За несколько часов после свадебного обряда ей пришлось выслушать немало жутких рассказов о Лайоне Пеннингтоне. Все говорили о его крутом и необузданном нраве. Той весной, когда произошел несчастный случай, Эйтон четырежды дрался на дуэли, хотя поговаривали, что поединков было гораздо больше. И еще ходили упорные слухи, что он убил свою жену.

Уэнтуорт тоже убил свою первую жену. И было немало случаев, когда он едва не лишил жизни и Миллисент. Молодая женщина невольно вздрогнула, вспомнив, как это случилось впервые. Перед ее мысленным взором снова возникла надвигающаяся на нее грозная фигура мужа с хлыстом в руках. Она стояла, не в силах двинуться с места, не веря, что все это происходит в действительности. Тогда они были женаты меньше месяца. Удивительно, как ей удалось это пережить, выдержать этот ужасный брак.

Все еще дрожа, Миллисент вдруг вспомнила, как в первый раз сегодня увидела графа. Он смотрел на нее своими голубыми глазами тревожно, но никак не враждебно. А когда она так неловко пыталась помочь ему в карете, он рассердился, но Миллисент не почувствовала страха. «Это совсем другая история, – успокоила себя она, – и совсем другой мужчина».

Поднявшись из холла по широкой лестнице, Миллисент прошла по коридору и остановилась у двери Охинуа. Старая африканка провела весь вечер у себя в комнате. Миллисент была рада узнать, что Амина пару раз заходила к ней. Слуги доставили ей в комнату таз и воду для мытья, а позднее – еду и чистую одежду.

Миллисент задумалась о том, как много всего еще предстоит сделать. Нужно постараться, чтобы Охинуа почувствовала себя здесь в безопасности, а еще надо срочно дать объявление и найти кого-то на место управляющего. Ей пред-

стояло решить, как лучше распорядиться деньгами, но мысли разбегались и в голове была сплошная путаница. Словом, надо было сесть и как следует все обдумать, чтобы определить, с чего лучше начинать.

Чувствуя себя слишком усталой, чтобы разобраться в этой мешанине, Миллисент подошла к комнатам графа, собираясь уже постучать, но на мгновение замерла, вспоминая те ужасные дни, когда эти комнаты занимал Уэнтуорт. Временами ее бросало в холодный пот лишь от того, что она проходила мимо них по коридору. Но Миллисент отогнала подалеже свои страхи и тихо постучала. Дверь открыл Гиббз. При виде Миллисент он удивленно поднял брови.

– Леди Эйтон?

Миллисент ошеломленно посмотрела на него. Никто еще не называл ее так. Новое имя прозвучало слишком непривычно. Леди Эйтон. И все же ей удалось побороть в себе желание оглянуться и поискать глазами эту таинственную леди.

– Граф уже спит, мистер Гиббз?

– Да, миледи. – Камердинер отступил, приоткрыв дверь. Миллисент смогла разглядеть изголовье кровати и лицо спящего. Она не стала входить в комнату.

– Он поужинал?

– Боюсь, его светлость потерял аппетит после всех этих долгих часов в дороге, но он съел немного супа, спасибо.

– Кто-то все время должен оставаться с ним?

– Мы пытаемся, миледи. По крайней мере когда он бодр-

ствуует.

Миллисент кивнула, вспомнив, каким беспомощным казался сегодня лорд Эйтон, застрявший между двумя сиденьями в карете.

– А чем любит заниматься граф, мистер Гиббз? – Видимо, вопрос оказался совсем неожиданным, потому что слуга растерянно замолчал, не зная, что ответить. – Я имела в виду, как он теперь предпочитает проводить время?

– Ну, большую часть времени он проводит в кресле или в постели.

– Да нет, я хотела спросить, любит ли он читать, или, может быть, ему кто-то читает вслух? Есть ли у него любимая газета, которую я могла бы достать для него? Или же ему нравится играть в карты?

– Нет, миледи, ничего такого. Его светлость предпочитает смотреть в окно. Вот, к сожалению, и все его развлечения.

У Миллисент от жалости защемило в груди. «Что это за жизнь?» – подумала она и мысленно дала себе слово внести приятное разнообразие в распорядок дня своего мужа. Она бросила прощальный взгляд на спящего графа. Он выглядел усталым и подавленным. И уже ничем не напоминал буяна и задиру, несмотря на свою репутацию.

– Вы довольны своей спальней, мистер Гиббз?

– Да, она гораздо лучше, чем я думал, миледи. Я вам очень признателен.

– Что ж, хорошо. Тогда спокойной вам ночи. – Она повер-

нулась, чтобы уйти к себе в комнату.

– Леди Эйтон. – Гиббз вышел в коридор вслед за Миллисент. – Раз уж я здесь, если в Мелбери-Холле найдется для меня работа, я с удовольствием помогу вам, только скажите. Думаю, его светлость не станет возражать.

Со слов вдовствующей графини Миллисент знала, что шотландец был в услужении у лорда Эйтона долгие годы.

– Вы видели, как я сегодня уволила мистера Дрейпера. Может быть, вы взяли бы пока на себя роль управляющего, поскольку я как раз ищу ему замену.

– Да, миледи. Я сделаю все, что смогу. Я здесь, чтобы служить вам.

Миллисент благодарно кивнула, но с удивлением поймала себя на том, что не испытывает ни облегчения, ни душевного подъема, хотя у нее и появился толковый помощник. Все ее мысли были заняты мужчиной, которого она нашла вчера в карете беспомощным, нелепо зажатым между двумя сиденьями. Его бледное, полное отчаяния лицо так и стояло у нее перед глазами.

– Какого дьявола вы согласились взять у нее деньги? – прошипел Джаспер Хайд. – Вы же отлично знали, черт вас возьми, что, раз она заполучила рабыню, это полностью меняет дело.

– Приношу свои извинения, сэр, но...

– Катитесь к дьяволу вместе со своими дурацкими изви-

нениями! – Плантатор грохнул кулаком по столу. – Проклятые законники!

Мистер Платт, маленький человечек, сложил руки перед собой на столе.

– К сожалению, мистер Хайд, наши планы оказались сорваны. Я не мог найти повода отказаться от уплаты наличными. Предложенная сумма покрыла все немалые долги леди Уэнтуорт. Ее поверенный даже не стал торговаться, чтобы избежать выплаты процентов за текущий месяц. Она выложила всю сумму, которую была вам должна, до последнего фартинга.

Острая боль, внезапно пронзившая грудь Хайда, помешала ему вновь ударить кулаком по столу. Рукой он нащупал ребра пониже сердца, где болело и жгло сильнее всего. Казалось, кто-то воткнул раскаленный кинжал ему в грудь и поворачивает лезвие. В этом месте не было ни синяков, ни кровоподтеков. Все доктора, которым Хайд жаловался на свой недуг, объясняли ему, уснащая свою речь учеными словами, что с ним все в порядке. Они заверяли Хайда, что сердце абсолютно здорово. Это он и так знал. Боль появлялась всегда внезапно, резко усиливалась, достигала высшей точки, а потом мало-помалу стихала.

– Вам нехорошо, мистер Хайд?

– Вы предлагали им отдать... отдать чернокожую женщину в счет долга?

– Да, но сэр Оливер даже не стал это обсуждать.

– Тогда вы не должны были брать деньги.

– Поймите, все было сделано законно. Я не мог отказаться от выплаты.

– С каких это пор вы заделались эдаким ярим сторонником законности, Платт? – Хайд грозно уставился на стряпчего. – Кажется, вы так меня и не поняли. Вы же сами сказали, что ей неоткуда взять деньги, что она не сможет заплатить за рабыню.

– Но откуда же мне было знать, мистер Хайд, что эта женщина в тот же самый день выйдет замуж за графа Эйтона?

Хайд выругался, проклиная свое невезение. Еще вчера, слушая сплетни о парализованном графе, он и представить себе не мог, что этот искалеченный ублюдок разрушит все его планы.

– Мы никому не позволим остановить нас. Вы меня поняли?

Хайд с грохотом стукнул кулаком по столу, разбросав кипу бумаг. Даже свеча покачнулась в подсвечнике, а поверенный подпрыгнул на стуле. Оправившись от испуга, Платт попытался привести в порядок документы.

– То, что сделано, мы не можем испр...

Хайд был вне себя от бешенства. Одним мощным движением он смахнул все бумаги со стола поверенного, разметав их по комнате.

– Мне нужна старая рабыня, Платт. И немедленно.

На лбу и висках стряпчего показались бисерины пота.

Хайд знал, что Платт боится попадать ему под горячую руку. Намек был достаточно ясен, больше слов не требовалось. Плантатор был уверен, что чернокожая ведьма наложила на него проклятие. Эти странные боли в груди, да и неудачи одна за другой... Какие еще тут нужны доказательства?

– Через две недели мы еще раз предложим ей продать рабыню, сэр. Возможно, на этот раз сделка окажется удачной.

– Вы же сами сказали, что ей не нужны чертовы деньги. Кроме того, она никогда не продаст негрятянку мне.

– Вы могли бы показать себя перед ней в ином свете. Скажите, что во многом вели себя неправильно, а теперь хотите исправить свои ошибки. Скажите ей, что собираетесь нанять эту женщину, чтобы она помогла вылечить ваших рабов на Ямайке. Как я понимаю, чернокожая с успехом помогала доктору Домби.

– Да вы просто болван! – взорвался Джаспер. – Она ни за что на свете не поверит в подобные небылицы. Эта женщина тут же раскусит меня.

– Я просто хотел сказать, что деньги не единственное, что мы можем ей предложить, сэр. В конце концов, она всего лишь женщина, а значит, существо слабое. К тому же ей надо заботиться о муже-калеке.

– Но теперь у нее нет долгов, чтобы мы могли взять ее за горло и раздавить.

– Верно. И возможно, ее деньги не иссякнут в ближайшем будущем, так что нам понадобится новое оружие против нее.

– Какое оружие? – Хайд сплел узловатые пальцы и выжидающе уставился на поверенного.

– Нам нужно продолжать пристально наблюдать за ней.

– Нет, нам просто нужно найти способ заставить ее выпустить старуху из своих рук. – Хайд выпрямился, вспоминая свою последнюю встречу с доктором Домби. Старый дурень уже на ладан дышал, а все рассуждал о чести и о том, что ни за что не продаст Охинуа такому типу, как Хайд, ни за какие деньги. Опасаясь, как бы Домби не выкинул какую-нибудь глупость (вроде той, чтобы дать негритянке свободу), Хайд помог милейшему доктору отправиться в мир иной.

Но чертова удача отвернулась от него уже тогда. Ему так и не удалось найти рабыню. Снаружи стоял судебный пристав и кое-кто из многочисленных кредиторов Домби. Все тогда хотели повидать умирающего. Хайд понял, что ему никак не удастся наложить лапу на негритянку. Он даже заподозрил, что она специально прячется где-то неподалеку, дожидаясь, пока он уйдет.

– Может быть, нам удастся как-нибудь договориться с леди через поверенного графа.

Хайд махнул рукой, заставляя Платта замолчать. Ему в голову пришла блестящая мысль.

– Доктор. Узнайте для меня, как зовут доктора, который будет лечить Эйтона, пока он находится в Мелбери-Холле. Я хочу, чтобы вы устроили мне встречу с ним.

Ноги Вайолет промокли насквозь, но она этого не замечала. Ей было безразлично, что нарядная юбка и фартук пропитались влагой и испачкались. Девушка даже не сознавала, что ее сотрясает дрожь. Она миновала Гроув и побежала через лес по тропинке. Оцепенение прошло, и слезы хлынули из глаз. Было все еще темно, когда девушка выскочила из леса и поднялась на холм у заднего двора дома.

Вай некого было винить, кроме себя самой. Нед не заставлял ее силой идти к нему на постоянный двор. Начался холодный дождь, и она пошла с ним сама, по доброй воле, да еще хихикала всю дорогу как маленькая дурочка. Нед ни к чему не принуждал ее и тогда, когда они поднялись к нему в комнату. Он вел себя терпеливо, ласкал ее и гладил, целовал и говорил всякие приятные вещи. И как последняя развратная потаскушка, она визжала от удовольствия, когда он делал с ней все эти мерзкие вещи.

Но стоило ей расстаться с Недом и оказаться в темном ночном лесу, как ее охватил мучительный стыд. Ее будто окатило ледяным дождем. Она стремглав побежала домой, с ужасом думая о том, что произошло в тесной комнатке на постоялом дворе. Как же она могла так легко раздвинуть ноги? И самое ужасное было то, что Нед без труда добился своего, так и не взяв на себя никаких обязательств.

Достигнув сада, она попыталась припомнить, что он ей говорил. Нед сказал, что он ее мужчина, что встретил наконец свою истинную любовь. Еще он сказал... Вайолет остано-

лась, закрыв лицо руками. Он ни разу не сказал, что хочет жениться на ней.

– О Господи, – в ужасе прошептала она и застонала. А что, если у нее будет ребенок?

Мать Вайолет давно овдовела, но всегда отличалась благонаравием. Ее никто не обвинил бы в распутстве. Семья Вай была небогата. Их жизнь в Сент-Олбансе можно было назвать скромной, но достойной. Бабушка Вайолет всегда так гордилась ею! Прежде чем позволить внучке пойти в услужение к леди Уэнтуорт, она довольно решительно поговорила с хозяйкой, как следует обращаться с Вай.

Вай вдруг вспомнила, как бабушка тщательно оберегала ее невинность, и девушку пронзила мучительная боль, а слезы снова потекли по щекам. Где же теперь ее невинность? Когда сквайр еще был жив, Вай скорее готова была себя убить, чем позволить ему прикоснуться к ней. Когда-то ей даже пришлось спрятаться от него в одной из хижин в Гроув и долго там просидеть. Она страшно перепугалась тогда, но все-таки спаслась, сохранила свою девственность. А теперь она запросто рассталась с ней, точно какая-то шлюха.

Она должна была поговорить с Недом. Должна была убедиться, что он понимает, с кем имеет дело. В конце концов, она порядочная девушка. А теперь уже слишком поздно. Вай горько зарыдала.

В хмурых предрассветных лучах неясно вырисовывался силуэт усадьбы. Оттолкнувшись от изгороди, Вайолет побе-

жала к дому. Когда она выскочила в открытую садовую калитку, перед ней неожиданно выросла высокая темная фигура. Вай со всего маху налетела на мужчину, которому пришлось подхватить ее под руки, чтобы она не упала. Вай охнула и вгляделась в покрытое шрамами лицо.

– Мозес? – Чернокожий великан опустил руки. – Что ты здесь делаешь в этот час? – мягко спросила девушка. Она знала, что Мозес охраняет дом по ночам, но ей никогда раньше не приходилось возвращаться домой так поздно. Вай не ожидала столкнуться с ним.

– Вай обидели? – В хриплом голосе Мозеса звучала неподдельная тревога. Вайолет почувствовала себя вдвойне виноватой. Она медленно покачала головой.

– Нет, Мозес, никто меня не обижал.

– Почему же Вай плачет?

– Ничего, Мозес. Просто мне стало немного грустно. Но сейчас уже лучше, правда. – Она мягко погладила его по руке, затем быстро вбежала на холм, обернулась и взглянула на Мозеса. Отсюда она не могла видеть его лица, но верный страж стоял там, где она его оставила. Он смотрел ей вслед и хотел убедиться, что Вай благополучно добралась до дома.

Глава 7

Солгрейв был расположен на самом гребне горной гряды Чилтерн-Хиллз. Отсюда открывался живописный вид на небольшое озеро. Загородный дом графа Станмора и его супруги был просто великолепен. Ни одна другая усадьба в округе не могла соперничать с ним, хотя этот особняк отнюдь не подавлял своей роскошью окрестные владения. Напротив, соседство с Солгрейвом придавало им особую ценность, сообщая некую респектабельность. Именно это обстоятельство заставило в свое время сквайра Уэнтуорта купить Мелбери-Холл.

«Конечно, – подумала Миллисент, – это было до того, как Уэнтуорт женился, желая упрочить свое положение в обществе». Однако через несколько лет из североамериканских колоний вернулась в Англию Ребекка Невилл. Она вышла замуж за Станмора, став надежным другом и союзником Миллисент в борьбе за свободу.

Пути двух школьных подруг давно разошлись, но судьба снова свела их вместе после почти десятилетней разлуки. Ребекка и Станмор помогли Миллисент встать на ноги и наладить хозяйство в Мелбери-Холле после смерти Уэнтуорта, за что она была безмерно им благодарна.

Миссис Трент, экономка в усадьбе Солгрейв, как всегда, была приветлива и охотно проводила Миллисент в библиотеку.

теку. Молодая женщина едва успела снять шляпку и перчатки, как к ней подбежала ее подруга.

– А я уже собиралась сама отправиться сегодня в Мелбери-Холл, чтобы повидаться с тобой.

Миллисент радостно обняла Ребекку.

– Я должна была обязательно увидеться с тобой. Как хорошо, что тебя застала. Мне говорили, что ты здесь только на одну ночь?

– Мы собирались к моей свекрови в Шотландию, а по пути заехали сюда. Теперь вернемся не раньше чем через месяц. – Ребекка взяла подругу за руки и отступила на шаг, внимательно ее разглядывая. – Когда мы с мужем услышали новости о тебе, то не поверили своим ушам. Неужели ты снова вышла замуж?

– Это правда.

– За лорда Эйтона? Миллисент кивнула.

– Но ты ведь не была знакома с ним прежде, да?

– Не была.

Видя изумление в глазах подруги, Миллисент присела рядом с ней на диван и рассказала о письме вдовствующей графини. Не вдаваясь в подробности, она вкратце изложила условия их финансового соглашения и объяснила суть. Ребекка ее внимательно выслушала и заметила, осторожно подбирая слова:

– А ты что-нибудь знала об этом человеке? О его репутации?

– Да. Сэр Оливер предупредил меня, а после замужества мне пришлось выслушать немало всякого. Но, по-моему, значительная доля в этой болтовне о нем – просто слухи и досужие сплетни.

– Тогда ты, должно быть, знаешь, что кое-кто открыто обвиняет графа в убийстве своей жены. Говорят, что он столкнул ее с утеса в Баронсфорде.

– Я уверена, что она оступилась и упала, так же как и он, когда пытался спуститься и помочь ей. Она умерла, но то, что случилось с ним, едва ли лучше. Теперь он парализован и, возможно, до конца своих дней останется калекой. – Миллисент покачала головой. – Я подробно расспрашивала графиню об этом несчастном случае и о других обвинениях в адрес графа.

Лорд Эйтон теперь совсем не тот человек, каким его знали год назад. Он угнетен и подавлен.

Ребекка крепко обняла Миллисент.

– Ты знаешь, я не из тех, кто любит вмешиваться в чужую жизнь, однако вижу, как ты напряжена. Ты всего неделю замужем, а выглядишь такой усталой!

Миллисент попыталась улыбнуться.

– В этом виновата я одна. Он тут ни при чем.

– Так в чем же дело?

Леди Эйтон поднялась с дивана и подошла к широкому окну с видом на озеро. Этот вопрос она и сама себе задавала множество раз.

– Когда я согласилась выйти за лорда Эйтона, я убедила себя в том, что просто предоставляю его семье место, где станут о нем заботиться. – Она повернулась и посмотрела в глаза подруге. – Ты знаешь меня, Ребекка. Я не строю никаких иллюзий насчет любви. Все это в прошлом. Но в то же время я знаю, как важно иметь мужа. Брак с лордом Эйтеном – именно то, что мне сейчас нужно. Я даже не надеялась на такую удачу. С одной стороны, я замужем, а с другой – мне вовсе не нужно выступать в роли жены.

– И все же тебя что-то тревожит? Все идет не так, как ты задумала.

– Да. Я... я вдруг поняла, что глубоко сочувствую ему. Этот человек фактически лишился руки и обеих ног. Он проводит свои дни в молчаливом оцепенении. Пэр Англии так же несчастен, как и любой лондонский нищий, просящий подаяние на обочине дороги. Я вижу боль в его глазах. Он проклинаят свое жалкое существование.

– И ты ничем не можешь помочь ему? Может, стоит найти другого доктора? Или попробовать как-то расшевелить его, бросить вызов его разуму? Существует множество способов сделать его жизнь более сносной.

Ребекка знала, о чем говорит. Она прожила десять лет в североамериканских колониях, в одиночку воспитывая Джеймса, сына графа. У мальчика была покалечена рука, и он почти не слышал.

– Но... но я боюсь, что мой новый муж гораздо выше меня

по положению, – выпалила Миллисент. – Я уверена, он считает меня неподходящей партией и тяготится тем, что вынужден прозябать в Мелбери-Холле.

– Хотя я совсем не знаю его, но сомневаюсь, что это так. Тебе всегда не хватало уверенности в себе, – горячо возразила Ребекка. Убежденность придала ее голосу неожиданную силу. – Ты сама сказала, что он проводит свои дни в оцепенении. Откуда тебе знать, о чем он думает, что на самом деле чувствует. Тебе же, чтобы сделать его жизнь приятнее, достаточно просто быть самой собой. Поступай так, как подсказывает тебе сердце. Старайся ему помочь, насколько он позволит тебе это сделать. Нет смысла волноваться о том, что будет дальше. Будущее скрывает в себе не меньше тайн, чем тот мужчина, за которого ты вышла замуж. Это касается всех нас. Никто не знает, что его ждет за поворотом дороги.

«Это верно», – согласилась про себя Миллисент. Незнание всегда пугала ее, а на этот раз будущее бросало ей вызов, и она была вынуждена встретить его лицом к лицу.

В сгущающемся тумане силуэт Эммы казался расплывчатым пятном. Одной рукой придерживая юбки, она бежала сквозь молодую поросль сосен, петляя как заяц. Ветер обрушивал с неба потоки воды. Лицо Лайона было мокрым от дождя. Влага застилала глаза. Он вытер глаза рукой и взгляделся в темноту. Ноги налились тяжестью. Так бывает, когда бежишь, проваливаясь в глубокий песок. Ветки деревьев

хлестали его по лицу, колючки ежевики цеплялись за одежду, но он не мог позволить Эмме уйти. Лайон оглянулся на Баронсфорд. Его каменные стены высились мрачной громадой на сером фоне предгрозового неба.

Он снова бросился в погоню. Фигурка Эммы мелькнула впереди и исчезла в тумане. Она бежала к утесам. Ее золотистые волосы развевались на ветру. Капли дождя больно жалили Лайона в лицо, он то и дело спотыкался и оскальзывался на влажной земле.

Пугающие откровения Пирса все еще звучали у него в ушах. Враждебные обвинения брата задели честь Лайона, бросили ему вызов. Но как защититься от упрека в том, о чем не имеешь ни малейшего представления? Эмма знает ответ. И ей придется дать ему объяснения. Он заставит ее вернуться и взглянуть правде в лицо.

Лайон рванулся вперед, с трудом удерживая равновесие. Его грудь словно опалило огнем. Пронзительный крик Эммы, подхваченный ветром, отозвался громким эхом и заполнил собой ущелье.

Вскоре он увидел просвет между деревьями и тропинку, ведущую к утесам. На повороте она оказалась особенно скользкой. Противоположного берега реки не было видно, все вокруг заволокла серая пелена тумана. Тянувшаяся вдоль обрыва дорожка была пуста, лишь густая мгла клубилась над ней.

И вот он увидел ее. Она лежала на дне ущелья. Золотистые

волосы разметались, а взгляд огромных невидящих глаз был устремлен вверх, на него.

Лайон вздрогнул как от удара и проснулся. Его окружала крошечная тьма. Он умер. Поскользнулся и упал с утеса.

Какая-то тень мелькнула над его головой, чья-то холодная рука легла на его пылающий лоб. Лайон увидел перед собой встревоженное лицо своей новой жены. Если он умер, то уж точно не попал бы на небеса. В лучшем случае это всего лишь чистилище.

Миллисент выглянула из окна комнаты, где обычно завтракала, и залюбовалась сверкающим на солнце новеньким экипажем, который привез из Лондона доктора. Его слуга и грум стояли рядом с великолепной парой лошадей и разговаривали, топая ногами, чтобы не замерзнуть.

Они ждали во дворе уже час. Миллисент послала им горячего питья и предложила подняться, чтобы перекусить, но они отказались. Доктор Паркер велел своим людям находиться рядом с каретой, поскольку вскоре они должны были отправиться в имение лорда Эглинтон, что недалеко от Чизуэлл-Грин.

Миллисент взволнованно расхаживала по комнате. Со всем не так представляла она себе визит лекаря. Доктор Паркер держался отчужденно, говорил резко и едва ответил на ее приветствие. Приехав, он тут же поднялся в комнату лорда Эйтона вместе со своим помощником. Миллисент робко

попыталась пригласить их остаться на ночь в Мелбери-Холле, но доктор грубо оборвал ее на полуслове и попросил лишь, чтобы в комнату доставили немного еды. Мол, его ждут другие пациенты, которые занимают слишком высокое положение в обществе, чтобы называть их имена. Он небрежно заметил, что должен будет немедленно вернуться в Лондон.

Слова Паркера неприятно задели Миллисент. Ее вновь поставили на место, напомнив о том, кто она такая. Миллисент никогда не оказалась бы замужем за лордом Эйтоном, если бы не несчастный случай. Но, невзирая на явное пренебрежение и откровенное презрение доктора, она была очень рада его приезду. У нее накопилось множество вопросов о состоянии здоровья графа.

Доктор Паркер не заставил себя долго ждать. Вскоре его помощник вышел из дома, направляясь к карете, а Гиббз проводил Паркера к Миллисент. Леди Эйтон жестом пригласила доктора присесть, но тот сделал вид, что не заметил ее знака. Он недовольно взглянул на часы.

– Все в порядке, миледи, – торопливо проговорил он. – Новое лекарство нам не понадобится. Я посоветовал слуге лорда Эйтона давать эликсир чаще, чем мы это делали в Лондоне, хотя и в прежних дозах. Так что теперь простите меня, леди Эйтон, но мне нужно идти. – Он повернулся к двери. – Я не знаю, когда снова смогу выбраться в Мелбери-Холл. Теперь графу обеспечен такой внимательный уход. Возможно,

я смогу каждые две недели присылать к вам своего помощника. Не беспокойтесь, он достаточно опытен. И, конечно же, я буду сообщать вам о состоянии его светлости.

– У меня есть к вам несколько вопросов, доктор Паркер. – Миллисент порывисто шагнула к доктору. Ее голос слегка дрожал от волнения. – Они касаются общего состояния графа.

Доктор обернулся. Его кустистые брови хмуро сдвинулись в досадливой гримасе.

– Не думаю, что вам стоит слишком беспокоиться, миледи. Теперь лорд Эйтон будет под моим наблюдением. Я позабочусь, чтобы его светлости был обеспечен необходимый уход.

– Я несколько не сомневаюсь в вашей компетентности, сэр. Уверена, что вдовствующая графиня прибегла к вашим услугам, потому что испытывала безграничное доверие к вам.

– Возможно, я уже упоминал об этом раньше, – напыщенно произнес он, надуваясь от гордости, – но мои пациенты принадлежат только к высшим слоям лондонского общества.

– Поверьте, мы высоко ценим вашу репутацию.

Миллисент заметила, что Паркер немного смягчился. В его взгляде мелькнуло снисходительное выражение.

– Конечно, – медленно протянул он, улыбнувшись, как будто только что узнал о Миллисент что-то важное. – Ваша тревога за мужа вполне понятна и, больше того, достойна

восхищения. Я непременно расскажу о вашей заботливости ее светлости, вдовствующей графине.

– В этом нет нужды, уверяю вас. Что же касается ухода за графом...

Доктор Паркер поднял пухлую руку, прерывая Миллисент.

– Вы ведь понимаете, миледи, что я не имел никакого касательства к внешним повреждениям его светлости.

– Я понимаю, но...

– Мне лишь сообщили, что некий шотландский хирург из Эдинбурга по имени Уилкинз, или Уоллис, словом, что-то в этом роде, вправил кости после... хм... неудачного падения его светлости с утеса. И теперь, если из-за небрежности этого человека лорд Эйтон продолжает испытывать трудности с ногами и правой рукой, я не могу сказать ничего определенного.

– Но все это в прошлом, а я хотела узнать, как следует ухаживать за мужем сейчас. – Доктор посмотрел на нее как на несмышленного ребенка. – Как я уже сказала, доктор Паркер, я высоко ценю то, что вы приехали в Мелбери-Холл. Но я хочу знать, как именно вы собираетесь его лечить. Что, например, вы делали с ним сегодня?

– Что ж, хорошо, леди Эйтон, – резко бросил доктор. – Если вы так настойчивы и хотите знать каждую мелочь, я измерил пульс его светлости и взял порцию мочи для исследования. За десять дней, минувшие с тех пор, когда я видел его

в последний раз, состояние лорда Эйтона не изменилось.

– Вы совершенно правы, сэр. Лорд Эйтон провел в Мелбери-Холле две ночи, и оба раза я просидела несколько часов у его постели.

– В самом деле, миледи? – спросил доктор. Его брови удивленно поползли вверх.

Да. И должна сказать вам, что ночью его светлость ведет себя крайне беспокойно. Иногда он забывается тревожным и прерывистым сном, а когда просыпается, не может понять, где находится. – Миллисент в волнении сплела пальцы. – Вначале я подумала, что просто выбрала неудачное время для визита, и спросила слугу графа, Гиббза, когда мне лучше прийти. Но мне было сказано, что в дневное время лорд Эйтон совершенно не переносит чьего-либо общества.

– Не знаю, что вы хотите этим сказать, леди Эйтон, – холодно заметил Паркер и снова посмотрел на часы.

– Гиббз подтвердил, что его господин спит очень плохо. Более того, теперь во время бодрствования лорд Эйтон всегда очень возбужден и гораздо более несдержан, чем раньше. К тому же, как мне сказали, он не желает есть и ничего не пьет. Изредка удается уговорить его съесть хоть что-нибудь. Я подозреваю, что с ним, должно быть, что-то серьезное. Ему становится все хуже.

Доктор Паркер посмотрел на Миллисент с явным неодобрением.

– Лорд Эйтон принимает очень сильное лекарство, миле-

ди. Если быть точным, ему дают настойку опия. Это лучшее средство для такого больного, как он. И это единственно возможное лечение для человека в состоянии умственного расстройства, которого по настоянию семьи держат дома. Опиум должен оказать успокаивающее действие и унять меланхолию. А если этого не делать, то графа придется связать и держать взаперти.

– Но почему?

– Чтобы его светлость не поранил себя в приступе отчаяния.

– Но, кажется, он становится менее...

– Теперь что касается его лекарства. Уверяю вас, оно давно опробовано и признано крайне действенным. Прежде чем его светлость покинул Лондон, я увеличил дневные дозы на несколько капель. Вижу, что мое лечение явно идет графу на пользу.

– При всем моем уважении к вашим знаниям и опыту, мистер Паркер, я не вижу никаких...

– Миледи, – твердо сказал доктор, нетерпеливым жестом отменяя все ее возражения, – вы должны доверять моему опыту. Его светлость находится в более выигрышном положении, чем многие, кто страдает той же черной меланхолией. Его жизнь намного приятнее их жизни, уверяю вас. Я делаю все возможное, чтобы побороть его болезнь. Использую самое действенное средство, которое только известно медицине.

– Я совершенно уверена, что вы стараетесь помочь лорду Эйтону, но...

– Займитесь-ка лучше его диетой. Скажите своим людям, чтобы тщательно следили за желудком его светлости. Ему требуется легкая пища. Впрочем, я уже говорил об этом камердинеру графа. Очень важно наблюдать за пищеварением, кишечник должен регулярно опорожняться. Я буду извещать вас о состоянии рассудка его светлости, а теперь вынужден попрощаться с вами, леди Эйтон. Я и так слишком долго задержался здесь. Слишком долго.

Лайон сжал губы и отвернулся, когда слуга Джон попытался влить ему в рот ложку супа.

– Милорд! Вам бы надо помочь мне в этом деле. Уж слишком вы похудели. И доктор Паркер говорит, что мы должны заставлять вас побольше есть.

Слуга продолжал говорить, но Лайон его не слушал. Спазмы в желудке стали настолько привычными, что он уже почти не обращал на них внимания. Но вот такой сильной тошноты, как сегодня утром, еще до визита этого надутого индюка-доктора, он никогда прежде не испытывал. Или это было вчера утром? Дни давно слились и перемешались. Лайон попытался было вспомнить, когда же именно его тошнило, но вскоре бросил это занятие. Какая, в конце концов, разница?

Чертов доктор! Еще один толстопузый шарлатан с ухоженными руками. От него так и пахнет деньгами. Да он просто

весь звенит на ходу, точно мешок с золотыми монетами!

Лайон посмотрел на Джона и снова отвернулся.

Пока Паркер осматривал его, Лайон не произнес ни слова. Он не сказал ему о судорогах, которые все чаще терзали его правую руку, заставляя пальцы то скрючиваться, то распрямляться. Ни словом не упомянул о болях в суставах и не спросил, почему иногда ему удается согнуть ногу в колене, а иногда нет. Ему не хотелось, чтобы мошенник-лекарь задерживался здесь. Он ненавидел докторов и все их жалкие уловки и хитрости. Его мутило от их наглости и отвратительного всезнайства.

Но самое главное, признался себе Лайон, он устал бояться того момента, когда один из этих прохиндеев убедит его семью отправить графа в Бедлам. Возможно, когда не станет вдовствующей графини, остальных не придется долго уговаривать. Неожиданно Лайон почувствовал во рту вкус желчи. Холодный пот выступил у него на лбу.

Ложка снова уткнулась ему в рот. Эйтон с раздражением дернул головой, отвернулся к окну и попытался рассмотреть стоявший во дворе экипаж. В эту минуту из дверей вышел тот самый заплывший жиром доктор и шагнул к карете.

– Нам тут никак не обойтись без вашей помощи, милорд. Лайон узнал голос Гиббза. Он вернулся... наконец.

– В постель. – Эйтон закрыл глаза. Ему хотелось снова испытать спасительное забвение, которое так часто приходило к нему в последнее время.

– Да, но не раньше, чем вы съедите хоть немного супа.

Ложка опять назойливо замаячила у самого лица Лайона, но он сердито оттолкнул ее здоровой рукой.

– Положите меня обратно в постель. Немедленно!

В комнате было слишком жарко. Лайон почувствовал, как его кресло развернули, и попытался сфокусировать взгляд на лице Джона, который все еще норовил сунуть ложку ему под нос. За плечом Джона стоял Гиббз с хрустальным бокалом в руке. Лекарство. Но в комнате был кто-то еще. Должно быть, верзила Уилл.

– Дадите лекарство его светлости лишь после того, как он хоть что-нибудь съест, – распорядился Гиббз, поставив бокал на стол. – Я скоро вернусь.

Граф хотел было крикнуть вслед Гиббзу, чтобы тот заодно прихватил с собой эту парочку тупых болванов, но во рту по-прежнему было горько, а тело дрожало в лихорадке.

– Проглотите ложечку, ваша светлость. Скушайте хоть чуть-чуть, милорд, и мы мигом положим вас обратно в постель.

На этот раз графу удалось выбить чашу из рук слуги. Она упала на пол и разбилась.

– Черт, – выругался Уилл за спиной Эйтона и тут же испуганно забормотал: – Ох, ваша светлость, прошу прощения, сэр.

– Лекарство, – прохрипел Лайон. Забвение. Это единственное, что у него осталось. Опиум и бренди. Опиум. Он

попытался оттолкнуться от спинки кресла здоровой рукой. – Лекарство.

Он так и не заметил, кто из слуг поднес бокал к его губам, но вкус настойки отбил горечь во рту. Эликсир приятно освежил горло, но в следующий же миг желудок Лайона светло судорогой. Ему едва удалось пересилить позыв на рвоту. Приступ отнял у него последние силы. Тяжело дыша, Лайон откинулся на подушки, но тут один из идиотов-слуг попробовал пропихнуть ему в рот кусок хлеба, в то время как другой крепко прижал его плечи к спинке кресла. Эйтон плотно сжал губы и качнул головой, отчаянно пытаясь оттолкнуть пищу.

– Не заставляйте его, – раздался резкий женский голос. Болезнь и разочарование притупили все чувства Лайона. Сквозь пелену, застилавшую ему взор, он увидел, как в дверях показалась женщина.

– Их светлость ничегошеньки не ели с самого утра, миледи, – объяснил Джон, держа в руке хлеб.

– Мы уже дали ему лекарство, леди Эйтон, – добавил второй слуга, – но доктор Паркер сам сказал, что их светлость обязательно должен поесть перед тем, как выпьет свою настойку.

Лайон попытался задержать взгляд на лице женщины, но все вокруг расплывалось, превращалось в дрожащее марево. Женщина положила руку ему на лоб, ее пальцы были холодны как лед.

– Унесите еду, – приказала она. – И быстро дайте сюда лохань для умывания.

Желудок Лайона снова болезненно сжался, рот наполнился желчью. Он почувствовал, как женщина обхватила его за плечи, помогая наклониться вперед. В тот же миг мучительный спазм заставил его извергнуть из себя все, что еще осталось у него в желудке.

Комнату наполнил резкий запах рвоты, но Миллисент не испытывала отвращения. Охваченная искренним сочувствием, она лишь крепче обняла Лайона, как будто хотела влить в него часть своих сил. Эйтон судорожно сжал здоровой рукой лохань у себя на коленях. Струйки пота стекали у него со лба, бежали по лицу и скрывались в темной спутанной бороде. Он в изнеможении закрыл глаза. Миллисент захотелось хоть немного облегчить его страдания.

– Принесите полотенце и чистую миску с водой, – приказала она тому из слуг, что был поменьше ростом.

У графа снова началась рвота, его широкие плечи напряглись и задрожали.

– Эй, вы! Дайте-ка мне другой таз, – обратилась Миллисент к Уиллу.

Когда слуга заменял лохань на коленях у Лайона на чистую, в комнату стремительно вошел Гиббз.

– Ох! Ну и... – Камердинер мгновенно подскочил к Миллисент. – Простите меня, миледи. Минуту назад, когда я уходил, с его светлостью было все в порядке.

– Поддержите-ка его за плечи вот так, мистер Гиббз, – командовала Миллисент. Взяв полотенце и миску с чистой водой из рук Джона, она опустилась на колени рядом со скорченным дрожащим телом Лайона и принялась протирать ему лицо влажной тканью. Графа все еще сотрясали приступы рвоты, но в его желудке не осталось ничего, кроме желчи.

– Вам здесь не место, леди Эйтон, – сказал Гиббз. – Мы все сделаем сами, если вы...

– Я остаюсь. – Миллисент снова намочила конец полотенца и заботливо протерла мужу лицо. – Такое часто с ним случается, мистер Гиббз?

– Нет, миледи. За последние несколько месяцев милорда два или три раза беспокоил желудок. Его подташнивало, но такого не было никогда, мэм.

– А что он ел сегодня? – Миллисент заметила, как Гиббз бросил красноречивый взгляд на Джона, но тот лишь покачал головой в ответ. – А вчера?

– Да почти ничего. Совсем чуть-чуть, миледи.

– А как насчет лекарства?

– Вчера его светлость выпил приличную дозу, – ответил Гиббз. – А сегодня еще не принимал.

Уилл нерешительно откашлялся, а Джон неохотно возразил.

– Прощения просим, сэр. Мы давали ему лекарство сегодня утром, но только потому, что их светлость нас заставили. И еще немного только что, – пристыженно добавил он. –

Совсем чуть-чуть, как раз перед приходом ее светлости.

Миллисент едва сдержалась, чтобы не выбрать слуг за небрежность и легкомыслие. Должно быть, лорд Эйтон получил слишком большую дозу лекарства. Это самое настоящее отравление. Но стоит ли упрекать слуг, когда во всем виновата она сама. Миллисент вышла замуж за этого человека по собственной воле. Она подписала все бумаги и стояла рядом с его креслом перед священником, когда свершался свадебный обряд. Она приняла великодушный и щедрый дар его семьи, заплатившей все ее долги, дала клятву заботиться о нем, но не сдержала своего обещания. Хозяйка Мелбери-Холла предоставила лорду Эйтону комнаты в своем доме. Вот и все, что она сделала для него.

Графу понемногу становилось лучше. Судороги затихли. Миллисент мягко разжала пальцы Лайона, убрала лохань и умыла мужа, пока Гиббз усаживал его в кресле. Глаза лорда Эйтона оставались закрытыми. Лицо хранило бледность.

– Будьте добры, положите его светлость в постель, мистер Гиббз.

Миллисент отступила, наблюдая, как трое мужчин ловко и умело выполняют ее распоряжение. Подождав, пока Эйтон окажется в кровати, она повернулась к слугам.

– Я благодарна всем вам за ту заботу, которой вы окружаете его светлость. Однако впредь я хочу знать обо всем, что принимает граф. И прошу говорить мне об этом до того, как он получит лекарство. – Она смело посмотрела в глаза

людям Эйтона. – Если его светлость почувствует себя плохо, вы должны немедленно мне доложить. Если у него нет аппетита, если он отказывается от пищи, придите и скажите мне. Отныне мне придется изменить свой распорядок дня. Я собираюсь проводить здесь гораздо больше времени, чем раньше. И все же если лорду Эйтону неожиданно станет плохо, а меня не будет рядом, пожалуйста, немедленно найдите меня и оповестите. Я настоятельно прошу, чтобы мне тут же дали знать, чем бы я ни занималась в этот момент. Не бойтесь оторвать меня от других дел. Вам все ясно, джентльмены?

Лакеи обменялись взглядами и кивнули.

– Спасибо. Будьте так добры, унесите эти вещи и вымойте. Слуги поспешно поклонились, подхватили грязные лохани и тазы и покинули комнату.

– Вы не представляете, о чем просите, миледи, – тихо заметил Гиббз, обращаясь к Миллисент. – После несчастного случая его светлость сменил множество хирургов и врачей. И это не простая прихоть. Боли все усиливаются, мэм. Граф нуждается в постоянном уходе.

Миллисент вспомнила, с какой заботой всегда обращался со своим хозяином этот рослый шотландец. Она перевела взгляд на графа. Его глаза были закрыты. Должно быть, он заснул. Миллисент отошла от постели, а камердинер шагнул к окну, чтобы закрыть шторы.

– Я никоим образом не осуждаю вас, мистер Гиббз. Понимаю, как много вы делаете, как нелегко вам приходится,

но лорд Эйтон доверяет и обращается только к вам. Уход за графом требует постоянного напряжения сил и способен изурить любого человека, даже самого преданного.

– Вы никогда не услышите от меня ни одной жалобы, миледи.

– Я в этом уверена. – Миллисент вовсе не хотелось задеть чувства этого человека и лишит лорда Эйтона хотя бы малой части той заботы, которой он был окружен благодаря своему верному слуге. – Я всего лишь хочу помочь вам. Может быть, мне удастся немного облегчить ваши тяготы и принести пользу. Я думаю, графиня именно этого и хотела от меня. Если бы мать лорда Эйтона была на моем месте и здоровье ей позволило, наверное, она сделала бы то же самое.

Гиббз неопределенно пожал плечами.

– Думаю, графиня заставила бы доктора Паркера бежать отсюда восвояси поджав хвост, если бы видела его сегодня. Вы уж извините меня за излишнюю прямооту, миледи. Я, знаете ли, вырос в горах. У нас принято говорить то, что думаешь.

– Благодарю вас, мистер Гиббз, я ценю вашу искренность. – Эйтон пошевелился, бормоча во сне что-то неразборчивое, и Миллисент бросила на него обеспокоенный взгляд. – Почему вы думаете, что ее светлость была бы недовольна?

– Наш милый доктор проявил больше интереса к своей еде, чем к больному. Да этот негодяй едва взглянул на мое-

го господина! А когда все же обратил на него внимание, то имел наглость пожаловаться: граф, видите ли, дремлет, вместо того чтобы спать. – Гиббз схватил со стола бокал и сердито добавил: – А после велел нам давать ему побольше этой своей отравы.

– Этот вопрос легко решить. Я пошлю в Лондон письмо и сообщу доктору Паркеру, что мы больше не нуждаемся в его услугах. Было и так совершенно ясно, что он не горел желанием ехать сюда.

Гиббз недоверчиво нахмурил кустистые брови.

– Вы действительно так сделаете?

– Конечно. Но нам нужно как можно быстрее найти другого доктора. Кого-нибудь получше.

– Да все они одинаковы, миледи. – Гиббз задумчиво посмотрел на спящего Эйтона. – Большинство из них будут настаивать на кровопускании, пока граф не придет в чувство или не умрет. Другие пропишут слабительное. И это еще лучшие из них, миледи. Остальные – шарлатаны, готовые на все ради денег.

– Полагаю, доктора Паркера вы отнесли к числу последних.

Гиббз покачал головой.

– Я не настолько умен, чтобы судить о подобных вещах, но могу сказать определенно: таких, как он, пруд пруди! Если выстроить их в одну шеренгу, она легко протянулась бы аж до самого Бата. Все, что ему нужно, так это держать его

светлость в беспамятстве до судного дня да раз в месяц присылать счет его семье.

– Вы не разлучались с его светлостью с того дня, когда произошел несчастный случай. Думаете, такая жизнь была бы ему по вкусу?

– Да никогда! – горячо заверил Миллисент камердинер. – Я знаю, если бы он мог, он бы давно покончил с собой. Мне кажется, поэтому он и отказывается есть. Это для него единственное доступное средство. Если мы ему позволим, его светлость заморит себя голодом. Это так же верно, как то, что я стою тут перед вами.

– Мы не можем этого допустить.

Миллисент посмотрела в сторону двери. Уходя, слуги оставили ее открытой. В дверном проеме стояла Охиуа. Ее взгляд был устремлен на спящего графа. Старая негритянка уже неделю избегала любого общества, но Миллисент не спешила. Пусть пройдет какое-то время, тогда Охиуа почувствует, что в этом доме она – желанный гость.

Чернокожая женщина отвела взгляд от постели больного и внимательно посмотрела на Миллисент, а в следующий миг исчезла, словно ее тут и не было.

– И мы не позволим ему пребывать все время в полусне, – прошептала Миллисент. – Должны быть и другие средства. Мы их обязательно найдем. Нам просто нужно подобрать подходящее лекарство и отыскать хорошего доктора.

Охинуа не стала спускаться на первый этаж, а прошла к себе в комнату и закрыла дверь. Старой негритянке не раз приходилось видеть человеческие страдания. Долгие годы – она и сама не смогла бы их сосчитать – ее окружали лишь боль и смерть. На кораблях рабовладельцев, на выжженных солнцем полях сахарного тростника, в хижинах, кишаших крысами, – повсюду ей довелось видеть такое, что невозможно не только описать словами, но даже вообразить.

Охинуа знала, что ей было предопределено судьбой стать рабыней доктора Домби, весьма посредственного медика, страдающего отчаянной ненавистью к самому себе. Рядом с этим человеком она прожила более сорока лет, до самой его смерти. Старая негритянка верно служила ему все эти годы на островах и на судах работорговцев. Она многое узнала о медицине англичан, о ее особенностях и недостатках. Во время долгих и отвратительных путешествий в Африку ей довелось увидеть ритуалы Окомфо, Дансени и Бонсам-Комфо, многому научиться у жрецов ашанти, целителей и знахарей.

Охинуа по крупицам собирала знания и хранила их в памяти, как драгоценные золотые песчинки, чтобы снова и снова пытаться помочь своим братьям и сестрам, своему народу.

Белые не доверяли ее целительским способностям, а она и не собиралась их переубеждать. Когда Домби заболел, он послал за белым доктором, таким же, как он сам, хотя ему

было известно об искусстве черной рабыни. Охинуа не могла бы сказать с уверенностью, что сумеет помочь Домби, лишь Великой Богине дано исцелять. Сама Охинуа всего лишь ее орудие. Но белый доктор не хотел обращаться к ней. Старая негритянка не стала вмешиваться. Зачем ей сворачивать со своего пути? Во имя чего пытаться растопить лед?

Но рядом с этой женщиной, Миллисент, Охинуа впервые почувствовала, как лед внутри ее начал таять. С тех пор как старая негритянка появилась в Мелбери-Холле, она провела немало ночей в разговорах со своими чернокожими собратьями. Их рассказы о сквайре Уэнтуорте внушали ужас. Подобную звериную жестокость Охинуа приходилось видеть на сахарных плантациях Ямайки. Должно быть, именно оттуда Уэнтуорт привез своих помощников. Это были настоящие грубые животные. Но все обитатели Мелбери-Холла с восторгом говорили о своей хозяйке. Из-за бесчеловечного обращения мужа ей пришлось вынести не меньше, чем его рабам. Чаще всего ей доставалось именно за то, что она пыталась их защитить.

На островах Охинуа пришлось повидать немало белых женщин, занимавших такое же положение, как Миллисент. Это были жены плантаторов или их изнеженные любовницы, которые замечали своих рабов только тогда, когда нужно было отдать приказ. Многие из них любили смотреть, как кого-нибудь из невольников секут плетью. На Ямайке, в местечке под названием «Благодатная плантация», Охинуа ви-

дела, как хлестали кнутом обнаженного раба. Истерзанный и окровавленный, он стонал от боли, а белые женщины со своими детьми стояли рядом и открыто разглядывали его гениталии. Таких случаев было немало.

Старая негритянка подошла к столу, на котором стояли чаши с семенами и травами и бутылочки со снадобьями. Кое-что привез Джоуна из своей поездки в Сент-Олбанс, часть засушенных растений передали Охинуа чернокожие женщины Мелбери-Холла. Они собирали их еще на Ямайке и здесь, в Англии, в весенние и летние месяцы. Несмотря на то что стояла зима, Охинуа тоже удалось найти некоторые целебные травы и корни в окрестных лесах и полях, да и в самом Мелбери-Холле, на кухне. Так постепенно пополнялись ее запасы.

Охинуа подошла к камину, наклонилась к огню и бросила на угли несколько листьев. В дверь тихо постучали, и Охинуа пригласила леди Эйтон войти.

Пораженная видом спальни, Миллисент забыла даже спросить, как это Охинуа сумела угадать, кто стоит за дверью. Скромную комнату для гостей трудно было узнать. Теперь это место казалось древним и таинственным. Повсюду на столе и на полу были расставлены сосуды разных размеров. Над очагом висели пучки засушенной травы. Плотные занавеси на окнах были постоянно задернуты, в комнате, освещенной лишь пламенем очага, царил полумрак. В воздухе витали необычные дурмящие запахи. Но новый облик

спальни не показался Миллисент зловещим или пугающим. Напротив, здесь все дышало покоем и безмятежностью.

Оправившись от изумления, Миллисент вспомнила о причине, которая привела ее в комнату Охинуа. Конечно, ей интересно было бы узнать побольше о старой негритянке и ее искусстве, но в будущем у нее будет достаточно времени, чтобы удовлетворить свое любопытство.

– Я собираюсь бросить вызов традиционным английским способам лечения и хочу спросить, могу ли я рассчитывать на ваши знания. – Охинуа молчала, неотрывно глядя на лежащие перед ней камни. Миллисент подошла к камину. – Доктор Паркер убежден, что единственная возможность помочь лорду Эйтону – это постоянно держать его одурманенным опиумом. Но улучшения при этом не наступает, вот что меня тревожит. Настойка опия не способна исцелить графа. Более того, я подозреваю, что от нее больше вреда, чем пользы. – Миллисент присела на краешек стула. – Вы долго работали вместе с доктором Домби. Если сократить дозу лекарства или вовсе отказаться от него, не повредит ли это здоровью лорда Эйтона? Не приведет ли мое вмешательство к смерти графа?

Охинуа достала полуобгоревший лист из очага и помахала им над камнями.

– Он тонет в призрачном море тумана. Вы еще не видели его настоящего лица. – Негритянка отвела взгляд от камней и посмотрела в глаза Миллисент. – Вы готовы увидеть его

таким, каков он есть? Хватит ли у вас мужества, чтобы освободить его разум?

Миллисент вспомнила все слухи, обвинения и скандальные сплетни. Она как-то сказала своей подруге Ребекке, что граф Эйтон не тот человек, которым когда-то был. Конечно, теперешний Эйтон постоянно находится под действием опиума. Готова ли она увидеть его другим, изменившимся? Миллисент подумала о сломленном беспомощном человеке, согнувшемся над лоханью с блевотиной.

– Да.

Охинуа долго смотрела на камни, а потом улыбнулась каким-то своим мыслям.

– Вы можете отказаться от настойки опия, – сказала она, принимаясь собирать камни. – Не беспокойтесь, это его не убьет. Ваше чутье вас не обманывает. Прежде всего надо исцелить его разум.

– А как же его боли? Может, есть какое-нибудь другое средство, которое я могла бы давать ему взамен? Я не хочу, чтобы он страдал.

– Поживем – увидим.

Миллисент снова обвела глазами комнату, вдыхая аромат трав, разглядывая причудливые сосуды, игру теней на стенах и тонкие струи дыма, выходящие над очагом. Казалось, в комнате ощущается присутствие кого-то еще, некой таинственной, магической силы. Миллисент повернулась к Охинуа.

– Я уверена, что ваши знания не ограничиваются основа-

ми медицины. Может быть, вы посоветуете мне что-нибудь еще?

– Не торопитесь. Это будет непросто. Мы поговорим об остальном позже.

Миллисент неохотно встала. У нее было множество вопросов, но она понимала, что для графа ничего нельзя сделать, пока он не получит полной власти над своим разумом.

– Благодарю вас.

Окинув взглядом комнату, Миллисент направилась к двери. В холле она увидела двух африканских женщин, ожидающих у двери.

Одна держала в руках чашу и кувшин с водой, другая – льняное полотно. Бывшие рабы из Мелбери-Холла относились к Охинуа с почтением. Они обращались с ней как с королевой или жрицей. Миллисент понимала почему. Она тоже ощущала удивительную силу, исходившую от старой женщины.

Глава 8

Из-за отсутствия управляющего все дела по ведению хозяйства в Мелбери-Холле легли на плечи Миллисент. У нее почти не оставалось свободного времени. Джоуна был прекрасным помощником, но приближался сезон посева, а в это время у всех множество забот, и отсутствие лишних рук чувствовалось вдвойне. Миллисент понимала, что нужно скорее найти опытного управляющего. Сэр Оливер Берч уже связался с несколькими подходящими людьми, но от Лондона до пахотных земель Хартфордшира слишком далеко.

Сидя в небольшом кабинете, специально отведенном для дел, связанных с ведением хозяйства в поместье, Миллисент заканчивала письмо к преподобному Тримблбу в Небуорт-Виллидже. Священник знал почти все о происходящем в окрестностях Мелбери-Холла, и Миллисент надеялась получить от него помощь или дельный совет. В комнату вошла Вайолет.

– Вам помочь подготовиться ко сну, миледи?

Я так разволновалась, что вряд ли смогу уснуть. – Миллисент запечатала письмо. – А почему бы тебе не лечь спать? У тебя усталый вид, Вайолет. Наверное, ты не высыпалась с тех пор, как мы подселили к тебе в комнату еще двух девушек. Мне очень жаль.

– Что вы, миледи. Я очень рада, что они теперь живут вме-

сте со мной.

Миллисент знала, что Вайолет никогда не жалуется. В дверях появился один из слуг лорда Эйтона со свечой в руке.

– Что случилось, Джон? – спросила Миллисент.

– Прощения просим, миледи. Я знаю, вы только что покинули графа, но теперь он проснулся и шумит. Вы говорили, чтобы мы вам докладывали. Так я пойду?

– Спасибо. – Миллисент встала из-за стола. – Отправляйся спать, Вайолет!

Девушка сделала реверанс и ушла, а Миллисент последовала за слугой в комнату графа.

– А где мистер Гиббз и Уилл?

– Уилл пошел на кухню принести немного супа на тот случай, если граф Эйтон захочет есть, а мистер Гиббз сейчас наверху.

Миллисент вспомнила, как днем сидела у постели графа. Глядя на спящего мужа, она думала о мучивших его болях. Эйтон сломал руку и обе ноги более полугода назад, но почему он до сих пор не может ими управлять? Гиббз говорил, что, по словам одного из докторов, у графа особая форма паралича. Старая графиня жаловалась на меланхолию Лайона, но она ничего не говорила о его ранах. Она винила во всем потрясение, вызванное несчастным случаем. Зная, что в результате ужасного падения Эйтон потерял жену, Миллисент могла представить ход мыслей его матери.

Сейчас же, приближаясь к комнате мужа, Миллисент за-

думалась о его депрессии. Эта болезнь была хорошо ей знакома. В браке с Уэнтуортом она много страдала. Из-за ярости мужа Миллисент потеряла ребенка на раннем сроке беременности. Терпя побои и унижения, она искала покой и забвение в болезни. Но Уэнтуорту она была нужна для успешной карьеры. И лишь с появлением Ребекки и лорда Станмора, поддержавших ее в трудный период жизни, Миллисент смогла найти силы бороться.

Остановившись перед дверью в комнату графа, Миллисент услышала голоса и осторожно постучала. Когда она вошла, никто не обернулся.

– Ты сделаешь все, что я скажу, ты, жалкий кусок дерьма, или можешь уносить отсюда свою мерзкую тушу! Прочь с глаз моих! Ты слышишь, вероломный негодяй, пес блудливый...

Миллисент остановилась в дверях, разглядывая своего мужа. Джон замер. Граф был вне себя от гнева. За минувшие две недели он произнес меньше слов, чем за последние минуты.

– Можете ругать меня, милорд, но вы не получите ни капли этой отравы, пока ваша жена не даст своего согласия. – Гиббз стоял между кроватью графа и столом с лекарством.

– Грязная тварь, бесхребетный слюнтяй, – прошипел граф. – Ты должен слушать, что я тебе приказываю. Я, а не эта вонючая сука. Ты меня слышал?

Гиббз повернулся и, заметив Миллисент, покачал голо-

вой, пока его хозяин продолжал осыпать проклятиями всех подряд.

– Не принимайте близко к сердцу, миледи. Поверьте, его светлость немного не в себе. Это на него не похоже. Думаю, будет лучше, если вы сейчас уйдете. Кажется, нынче граф не самая подходящая компания.

Миллисент не двинулась с места. Теперь ее было трудно запугать, да еще и в собственном доме.

– Что его так рассердило, мистер Гиббз?

– Он требует лекарства. Упрямый как козел, ей-богу, мэм. Говорит, что не будет ни есть, ни пить ничего, кроме настойки опия.

– У него что-нибудь болит?

– Не думаю, миледи, – ответил Гиббз. – Кости у него давно срослись, а он не жаловался на боль, даже когда они заживали. Его светлость требует лекарство, потому что оно поможет ему успокоиться и забыться.

Миллисент посмотрела в сторону постели.

Неожиданно лорд Эйтон затих, и Миллисент поняла, что он пытается выровнять дыхание. На мгновение тревога вытеснила желание преподать урок хороших манер новому мужу.

– Вы видели его раньше в таком состоянии? Ему стало хуже?

– Физически? Нет, миледи. А что касается его сквернословия, то граф смог бы своей бранью прикончить целую

банду голландских наемников.

– Как вы думаете, что произойдет, если мы откажемся дать ему опиум?

Гиббз изумленно посмотрел на нее.

– Даже не знаю, миледи. Я ведь не доктор. Но могу сказать, что его светлость после падения ни разу нормально не заснул. Пока граф не начал принимать настойку опия, он был жалким и несчастным. Впрочем, всех, кто его окружал, он считал такими же беднягами.

Миллисент огляделась вокруг. Муж лежал в постели, откинувшись на подушки. Шторы были задернуты, чтобы сдержатъ холодный зимний воздух, проникающий сквозь щели. На столе стоял графин с бренди и пузырек с настойкой опия. Когда она снова посмотрела на лорда Эйтона, в дверях появился Уилл. Он привел с собой молоденькую служанку, которая несла на подносе чашу с бульоном и немного хлеба.

Миллисент решила, что справится сама.

– Никому из вас не придется сегодня страдать из-за несдержанности графа. – Она сделала знак служанке поставить поднос на стол. – Я хочу, чтобы вы все как следует выспались. Эту ночь я собираюсь провести в обществе мужа.

Мэри Пейдж прожила в Мелбери-Холле полтора года, но никак не могла привыкнуть ни к новому месту, ни к работе. Она очень рано овдовела, потеряв мужа во время несчастного случая в Лондоне. Она проработала десять лет горнич-

ной, терпя пренебрежительное отношение и грубое обращение, прежде чем увидела объявление леди Уэнтуорт, которая искала экономку. Мэри с почтением относилась к сэру Оливеру, но еще больше ее очаровала новая хозяйка. Мэри была по-настоящему благодарна за все, что она для нее сделала. У нее появились новые возможности с переездом в Хартфордшир. Обязанности экономки больше не пугали ее, потому что она всегда могла рассчитывать на помощь. Освобожденные африканские рабы трудились даже лучше англичан, а Амина, жена Джоуны, стала ей не только помощницей, но и подругой.

Мэри Пейдж любила свою работу. Очень скоро она полюбила и Мелбери-Холл, и всех его обитателей. Появление в доме графа Эйтона и его людей не доставило экономке особых хлопот. Мэри даже показалось, что ее хозяйка (да и вся прислуга в Мелбери-Холле) легко приспособилась к переменам.

Мэри сидела перед очагом в комнате для прислуги и занималась рукоделием, когда там появились лакеи лорда Эйтона. Они еле плелись, уныло опустив головы. Миссис Пейдж украдкой разглядывала их. Через несколько минут в комнату вошел высокий шотландец, и Мэри почувствовала, как внутри все затрепетало. Это случалось всегда, как только она его видела. Заметив встревоженное лицо камердинера, Мэри догадалась, что это неспроста.

– Добрый вечер, мистер Гиббз. У вас с мальчиками сего-

дня выходной?

– Да. Хотя, должен сказать, нам это совсем не по душе, миссис Пейдж. Ваша госпожа захотела остаться одна с его светлостью сегодня ночью. Эта девочка еще не знает, что ее ждет.

– Неужели?

– Да, мэм. – Шотландец нахмурился и присел на скамью рядом с Мэри.

– Не подумайте ничего плохого, сэр, я очень люблю свою госпожу, но она ведь уже второй раз замужем. Я хочу сказать, что она все знает.

Шотландец удивленно посмотрел на нее.

– В каком смысле, миссис Пейдж? Мэри залилась румянцем.

– Я просто пошутила, чтобы вас успокоить, мистер Гиббз.

– Ох, ну надо же. Приятно слышать, миссис Пейдж. Значит, я вам не совсем уж безразличен, если вы решили со мной пошутить. Всю последнюю неделю вы даже не считали нужным отвечать на приветствие одинокого шотландца.

– Я уверена, что вела себя вежливо, сэр.

– Вежливо. – Гиббз вздохнул. – Вот как?

Мэри бросило в жар. Несмотря на суровое обращение со слугами, она считала шотландца весьма привлекательным мужчиной. Экономка улыбнулась, вспомнив, как Вай охарактеризовала графского камердинера, обсуждая с другими служанками появление чужаков. Они тогда чуть не лопнули

от смеха. «Да, он довольно красивый, – сказала Вай, – если вам нравятся волосатые обезьяны».

– А теперь вы улыбаетесь. – Темные глаза Гиббза внимательно разглядывали экономку. – И чем же можно объяснить это небесное сияние?

– Ох, даже не знаю, – игриво ответила Мэри. – Я знаю, что Миллисент отлично позаботится о графе. Лучше сиделки и не придумаешь.

– Честно говоря, я больше беспокоюсь о ее светлости. Сомневаюсь, что нашей девочке доводилось видеть кого-нибудь в припадке ярости. Граф в отвратительном настроении.

– Насколько я слышала, ей пришлось много вытерпеть из-за крутого нрава покойного мужа, который был сущим дьяволом, сэр. Думаю, вы можете о ней не беспокоиться. – Мэри похлопала шотландца по руке. – Она справится с ним, мистер Гиббз. Хозяйка сумеет его обуздать.

Гнев отзывался пульсирующей болью в голове. Лицо и шея горели. От ярости грудь превратилась в узел напряженных мышц. Если бы он мог дотянуться до горла этой женщины, он убил бы ее и с легкой душой отправился на виселицу.

Но шансов было немного. Настырная дамочка была слишком далеко от постели, и он никак не мог до нее дотянуться. Она подвинула кресло, привела в порядок стол и расхаживала по комнате, словно ничего особенного не происходило. Эта проклятая ведьма держалась как ни в чем не бы-

вало и притворялась, что она тут ни при чем. Она даже настроила слуг против него, а он считал их верными и преданными псами. Они послушно построились в шеренгу и покинули спальню по ее команде, словно безмозглые коровы, которых поманили вкусной едой.

Эйтон не выдержал и взорвался.

– Позовите сюда Гиббза.

– Вам что-то нужно? – спросила она ангельским голосом.

Лайона передернуло от отвращения. Он чувствовал, как к горлу подступает тошнота.

– Да. Позовите Гиббза!

– Мне очень жаль, милорд, но мистер Гиббз только что ушел. Боюсь, какое-то время его не будет. – Женщина остановилась в ногах постели. Она улыбнулась, словно ее ничуть не задевает его бессильный крик. – Но если вам что-то понадобится, то я здесь.

Лайон сразу почувствовал ее присутствие, стоило ей только появиться в комнате. Это показалось ему странным. Она не обращала ни малейшего внимания на проклятия, которыми он ее осыпал. Вступая в брак, она дала клятву заботиться о муже, но Лайону было известно, что большинство женщин на ее месте постарались бы избавиться от такой отвратительной обузы, как он. Эйтон взмолился, чтобы его новой жене пришла в голову эта мысль. Яд положил бы конец его мучениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.